

«Малое» общество: теоретическая модель и эмпирические иллюстрации*

А.Н. ОЛЕЙНИК

Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ.
Не дает ответа.

Н.В. Гоголь. Мертвые души

Статья написана в рамках дискуссии о границах применимости моделей, разработанных социальной наукой на Западе, для исследования проблем постсоветского общества. По мнению автора, альтернативой как претендующему на универсализм применению стандартных моделей, так и утверждению особой специфики российской цивилизации, требующей разработки не имеющего аналогов категориального аппарата, мог бы стать поиск категорий, направленных на постоянное развитие и вписывание в институциональный контекст. В качестве примера рассматривается модель «малого» общества, основными элементами которого являются персонификация отношений, отсутствие четких границ между сферами повседневной жизни, неинституционализованные формы контроля над насилием, дуализм норм и навязанный характер властных отношений (power, а не authority). Подробно обсуждается практическая применимость данной модели для анализа тюремного сообщества, постсоветского общества вообще и бизнеса в частности, а также академической среды в России и на Западе.

* В данной статье резюмируются и развиваются идеи, изначально изложенные в монографии «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти» [М.: Инфра М, 2001]. Автор выражает признательность участникам двух семинаров, состоявшихся в октябре 2002 г. в Институте экономики РАН и в ГУ—ВШЭ, на которых обсуждалась первоначальная версия статьи, представленная в форме доклада, особенно В.С. Автономову, О.И. Ананьину, С.Г. Кирдиной, Г.Б. Клейнеру, А.К. Ляско, В.И. Маевскому, Р.М. Нурееву, В.М. Полтеровичу, О.И. Шкаратану (ставшему и непосредственным вдохновителем подготовки настоящего синтетического текста).

1. Между универсализмом и партикуляризмом в исследовании

Постсоветские трансформации в который раз делают актуальным вопрос, остающийся без однозначного ответа на протяжении всей российской истории: должна ли эта страна использовать опыт других, в первую очередь европейских, стран или же у нее своя неповторимая судьба. Иными словами, уместны ли институты рынка и демократии в качестве единственных ориентиров реформ? Вопрос тем более важен, что в постсоветских странах происходит постепенное отторжение этих привнесенных извне институтов, точнее, они наполняются совершенно иным содержанием, отсутствующим в западном контексте. Например, из трех элементов демократического государственного устройства (свободные выборы, принцип верховенства закона и гражданское общество [Touraine 1994, p. 44]) в сегодняшней России прижилась лишь формальная процедура выборности представителей власти. Причем в отсутствие двух других элементов демократии результаты выборов оказываются легко подверженными влиянию со стороны самих представителей власти, например с помощью так называемых политтехнологий.

Если оставить в стороне нормативные формулировки — акцент на том, как *должно быть*, то позитивная наука, исследующая то, как *есть на самом деле* [Friedman 1953, p. 4], призвана выяснить, являются ли универсальными теоретические конструкции, разработанные западной наукой, и возможно ли с их помощью исследовать происходящие в постсоветских странах процессы. В частности, изучение постсоветской трансформации помогает выявить пределы применимости неоклассического подхода, доминирующего в современной экономической науке. Адепты данного подхода утверждают его универсальный характер, что отражено, например, в феномене экономического империализма или объяснении максимально широкого круга явлений (от семьи до политических процессов) на основе неоклассических моделей¹. Еще меньшее внимание уделяется экономическими империалистами национальной или культурной специфике в рамках межстрановых и кросскультурных сравнений.

И позитивный, и нормативный анализ имеют право на существование в рамках социальных наук, однако для настоящей статьи избран именно первый подход. Представляется разумным, что дискуссия о природе постсоветской трансформации предшествует обсуждению различных вариантов будущего обустройства России, отраженных в альтернативных политических проектах.

Подход, развитию которого посвящена настоящая статья, сводится к отрицанию обеих крайностей в позитивном анализе постсоветских трансформаций как использования универсальных, стандартных моделей, так и упования на уникальные, но нигде, кроме самой постсоветской России, не применимые теоретические конструкции. В первом случае речь идет о перенесении в постсоветский контекст стандартных моделей, в лучшем случае адаптированных к институциональным условиям стран Запада, а в худшем — просто постулируемых

¹ Вопросам, связанным с экономическим империализмом, в частности, посвящена подборка статей в № 28 журнала «Неприкосновенный запас» (М.: Новое литературное обозрение) за 2003 г.

«Малое» общество: теоретическая модель...

ad hoc. Обычно задача исследователя сводится к тому, чтобы проверить стандартную неоклассическую модель (как правило, с помощью эконометрических тестов) на основе данных о состоянии постсоветской экономики. Если коррективы и вносятся, то они не касаются основных постулатов, из которых выводится модель (см., например, [Тайгер 1996; Чеканский 1997]). Тем самым отрицается какая-либо специфика процессов, происходящих в странах бывшего СССР.

Во втором случае, напротив, делается вывод о принципиальной несостоятельности России и стран Запада, об уникальном характере российской институциональной среды. К числу теорий, в рамках которых делается акцент на специфических чертах российской, и в частности постсоветской, социально-экономической системе, относится, например, цивилизационный подход [Шкартан 2000]. К аналогичным выводам приводит и следование марксистскому тезису об обусловленности институтов особенностями материально-технической среды. Так, представители новосибирской социологической школы связывают специфику институтов в России с коммунальным, т. е. нерасчленимым без существенных издержек, характером материально-технической среды. Поэтому, по их мнению, приходится констатировать «неадекватность заимствуемых методологических концепций и содержательных понятий, разработанных мировой, прежде всего западной, наукой для понимания происходящих в стране процессов» [Курдина 2001, с. 24].

Альтернативой не признающему границ универсализму и не переходящему их культурализму мог бы стать поиск универсальных категорий, требующих их постоянного вписывания в контекст и потому подверженных постоянной конкретизации и спецификации, т. е. внутренне развивающихся категорий. С эпистемологической точки зрения уместной представляется параллель с диалектикой категорий абстрактного и конкретного в марксистской философии [Ильенков 1984]. Абстрактное понятие при движении к большей конкретности внутренне развивается и обогащается, и дедуктивный ход мышления таким образом прерывается индуктивным. Оно (понятие) является не более чем зародышем собственно теории, которая становится применимой для анализа реальных феноменов лишь в результате восхождения от абстрактного к конкретному.

Примером абстракции, претерпевающей существенную трансформацию в зависимости от институционального контекста, может служить понятие «сеть». В зависимости от конкретных условий сеть как совокупность локализованных отношений способна превратиться и в клику, и в клан, и в систему основанных на блате отношений, и в стратегический альянс. Аналогичным образом вместо универсализации категории рынка требуется рассматривать всю совокупность опосредуемых деньгами обменов — от базара и теневого рынка до рынка ценных бумаг и их производных и т. д. В результате конкретизации и «спецификации» универсальных категорий вполне может получиться так, что в разных институциональных контекстах они будут играть совершенно разную роль. Так, сеть из структуры, обеспечивающей гибкие и открытые внешнему миру взаимодействия в условиях демократии, трансформируется в закрытую и генерирующую насилие по отношению к аутсайдерам клику или мафиозную семью в иных социально-экономических контекстах.

У предлагаемой исследовательской программы есть и еще одно преимущество. Дедуктивные методы анализа, единственно возможные при использовании

стандартных моделей, часто подвергаются критике за их умозрительный характер и оторванность от реальной жизни. Так, в современной экономической науке в качестве реакции на экономический империализм возникло так называемое постаутическое движение², эмпирическим образом опровергающее постулаты доминирующего направления. В этой связи возрастает интерес к наблюдению, описанию и иным основанным на индукции методам сбора информации о явлениях, не укладывающихся в жесткие рамки стандартных моделей. Одним из наиболее ярких примеров опровержения стандартных моделей эмпирическими фактами, собранными в постсоветских странах, следует признать исследование В. Ефимовым аграрных преобразований [Yefimov 2003]. Однако, как и жесткое противопоставление универсализма и культурализма, жесткая оппозиция между дедукцией и индукцией выглядит излишним упрощением. Во всяком случае, более приемлемой представляется комбинация индукции и дедукции в рамках предлагаемого здесь подхода.

2. Модель «малого» общества

В качестве основной категории анализа мы предлагаем модель «малого» общества, отношения внутри которого локализованы и характеризуются такими чертами, как отсутствие четких границ между сферами деятельности, персонификация отношений, несовершенные механизмы контроля насилия, дуализм норм и навязанный характер властных отношений. Как будет показано дальше, эта модель помогает понять специфику как экономических, так и социальных взаимодействий в постсоветских обществах, а также взаимодействий в отдельных сферах западных обществ.

Ситуацию, в которой находится «малое» общество, можно охарактеризовать как незавершенную модернизацию. Иначе говоря, трансформация «малого» общества, локального и персонализированного, в современное (от слова *modem*) общество не завершилась. Подобная констатация не несет в себе никакой ценностной оценки, она лишь отражает особую структуру общества и его институциональную организацию.

Отсутствие четких границ между сферами деятельности

Структурное определение современности предполагает трансформацию простого, однородного общества, в котором различные сферы повседневной деятельности недифференцированы, в сложное общество, включающее множество нормативных подсистем. Каждая подсистема имеет значительную степень автономии относительно остальных подсистем; в идеальном типе современного общества пересечения между подсистемами и вовсе сведены к нулю. «Главным условием модернизации является функциональная дифференциация подсистем, в частности разделение политики и религии, экономики и политики, формирование автономных сфер науки, искусства, частной жизни» [Touraine 1992, p. 237]. Теория соглашений, в свою очередь, говорит о следующих сферах

² Сторонники движения выпускают свой журнал (*Post-Autistic Economic Review*).

«Малое» общество: теоретическая модель...

деятельности (*citius*): рыночная, индустриальная, гражданская, традиционная (*domestique*), общественного мнения и творческая. Экологическая и «проектная» (*citii par projets*) сферы деятельности были добавлены к этому списку сравнительно недавно [Boltanski, Thevenot 1991; Lafaye, Thevenot 1993; Boltanski, Chiapello 1999]. Рассмотрим более подробно границы, которые разделяют сферы повседневной деятельности.

Одна «демаркационная линия» отделяет рынок от других сфер. Свободный рынок предполагает, что он избавлен от политического, социального или традиционного воздействий. «Саморегулирующийся рынок не требует ничего иного, как институционального разделения общества на экономическую и политическую сферы» [Polanyi 1983, p. 105]. Если создание своего рода «железного занавеса» между рынком и обществом находилось в центре Великой трансформации западных стран в XIX в., описанной К. Поланьи, то функционирование советской системы, наоборот, требовало абсолютной прозрачности границы между экономической и политической сферами. Симбиоз партии и государства (ключевой элемент советской системы) предполагал смешение политических, административных и экономических функций [Kornai 1992, p. 39].

Другая важная граница проходит между частной и публичной жизнью. Исходным пунктом в любой деятельности субъекта является защищенное от внешнего воздействия пространство частной жизни. Именно в рамках пространства частной жизни человек выходит за рамки социальных ролей и защищает свою индивидуальность от социально навязываемых требований. Наличие сферы частной жизни обеспечивает «свободу сохранять свою индивидуальность внутри любых общественных структур и объединений» [Хлопин 1994, с. 54]. Важно заметить, что пространство частной жизни защищает индивида не только от ролей, навязываемых ему «большим» обществом, но и от иногда нежелательного вмешательства в его дела близких людей. Следовательно, успешное разделение частной и публичной жизни должно предполагать механизмы защиты от нежелательного вмешательства близких, тех, кто находится на расстоянии вытянутой руки. Иначе говоря, следует говорить о «праве защиты не только от вмешательства государства в личную жизнь, но и от вмешательства в нее членов первичной группы, к которой принадлежит индивид» [Shlapentokh 1989, p. 10].

Персонализация отношений

Одно из проявлений взаимопроникновения сфер повседневной деятельности заключается в несвободном выборе партнера для социально-экономического взаимодействия. Выбор партнера зависит от его принадлежности к системе персонализированных отношений, от факта личного знакомства с ним. Все взаимодействия происходят внутри этой системы отношений, основанных на личном знакомстве. Почти исключена возможность иметь одного партнера для коммерческой деятельности, другого для общественной и т. д. Следовательно, локальное сообщество, будь то семья, община, круг друзей и друзей друзей, мафия, всегда самодостаточно и всегда стремится закрыться на себе самом. Семья близка к идеальному типу персонализированных отношений, закрытых по отношению к внешнему миру. Р. Хоггарт подчеркивает в своем анализе английских рабочих семей «закрытость общения домашних» и «высшую ценность, ко-

тору для них имеет семейная жизнь» [Hoggart 1970, p. 66]. Центральная роль семьи объясняет использование термина «домашний» (*domestique*) для описания персонифицированных отношений. Описание «домашнего», традиционного, соглашения представителями теории соглашений показывает, как может существовать «большое» общество, организация которого не выходит за рамки модели «малого» общества. В рамках «домашнего» соглашения все социальные отношения сводятся к отношениям между «своими», «домашними». Здесь «значимость людей зависит лишь от занимаемого ими положения в системе, построенной на личной зависимости» [Boltanski, Thevenot 1991, p. 116]. Таким образом, социальная организация традиционного, «домашнего», мира включает в себя три базовых элемента: ориентацию на прошлое, локализацию транзакций и систему личной зависимости. «Традиционный порядок (*l'ordre domestique*) характеризуется тройным градиентом: временным (центральная роль традиции и прецедента), пространственным (локализация транзакций) и иерархическим (отношения господства и подчинения)» [Thevenot 1989, p. 185].

Традиционный порядок допускает существование отношений, имеющих иную природу (рыночные, гражданские, индустриальные и т. д.), но при условии, что они подчиняются логике персонифицированных отношений. Рассмотрим в качестве примера рыночные отношения, существующие *внутри* «домашней», традиционной, сферы. Развивающиеся страны, а также некоторые современные общества дают богатый иллюстративный материал. Американский антрополог Дж. Энсмингер долгое время изучала специфику организации экономической деятельности в африканском племени орма. Оказалось, что представители этого племени «стремятся иметь как минимум одного члена семьи на летних фермах» [Ensminger 1992, p. 116], на которые они сдают свой скот для выращивания. Такая политика облегчает контроль за содержанием крупных домашних животных и снижает вероятность оппортунизма пастухов.

Опора на родственные связи характерна и для отдельных латиноамериканских стран, в которых «расширенная семья трансформируется в сеть коммерческих и производственных отношений» [Soto 1994, p. 13]. Привлечение родственников к бизнесу снижает для предпринимателя издержки контроля и предотвращает оппортунистическое поведение исполнителей. Личная зависимость превращается в главную гарантию выполнения контрактных обязательств [Soto 1994, p. 131]. Та же самая логика объясняет стремление банкиров, участников рынка алмазов, биржевых маклеров к формированию закрытых сообществ, служащих опорой в их коммерческой деятельности. Нью-Йоркскую фондовую биржу, лондонских банкиров, международную сеть торговцев алмазами и бриллиантами можно рассматривать в качестве примеров бизнеса, построенного на основе персонифицированных отношений [Coleman 1990, p. 109—110].

Несмотря на реальность подобного симбиоза между «домашним» и рыночным порядками на локальном уровне, его внутренние противоречия и нестабильный характер становятся очевидными, как только люди начинают пытаться выйти за локальные рамки и придать своим взаимодействиям общее направление. Даже обладание очень широкой сетью знакомств не гарантирует действительного превращения «маленького» общества в «большое» при сохранении «домашней», традиционной, логики. Знаменитое представление одного члена мафии другому, *cosa nostra* («он один из наших») очень показательно в

«Малое» общество: теоретическая модель...

данном контексте. Мафия, изначально локальный и региональный феномен, постепенно превратилась в фактор национальной и международной жизни, не потеряв при этом своего персонифицированного и «домашнего» характера. «Для того, чтобы быть представленным мафиози, требуется представление другим мафиози: он — то же самое, что и мы — *Quisti u la stressa cosa — Cosa nostra*» [Padovani 1987, p. 45]. Человек находится либо внутри (*in*) «домашнего» мира, либо вне (*out*) его пределов, что автоматически исключает его из системы социальных отношений.

Несовершенный контроль насилия

Третий предложенный нами критерий «малого» общества предполагает анализ способов контроля над насилием в повседневной жизни. Существует множество способов управления насилием, которое неизбежно возникает в повседневной жизни. Институционализированное насилие, материализующееся в монополии государства на насилие, представляет собой лишь один из множества способов управления насилием. Впрочем, современное общество признает лишь эту форму контроля над насилием. Для краткого обзора всей палитры средств контроля над насилием обратимся к известному антропологическому исследованию Р. Жирара. Его особенно интересуют те механизмы управления насилием, которые предшествуют монополизации насилия государством. По мнению Жирара, первый этап в эволюции средств контроля заключается в поиске жертвы-субститута (*victime de rechange*). «Неорганизованное насилие постепенно превращается в поиск жертвы-субститута. Вместо создания, которое, собственно, и вызвало негодование, возмездие направляется на другое, ничем не примечательное. Единственная причина, по которой жертва-субститут вызывает на себя громы и молнии, это ее безответный характер и нахождение в нужный момент рядом с пышущим негативной энергией существом» [Girard 1972, p. 15].

Важно заметить, что в общем случае жертва-субститут не является членом локального сообщества, внутри которого и возникли предпосылки насилия. Обычно жертвами насилия становятся индивиды извне — иностранцы; король, если его действия подчинены иной логике, чем поведение остальных членов сообщества. По мере того как граница между «малым» и «большим» обществом начинает исчезать, насилие изменяет свою природу. Если различия между людьми внутри и вне сообщества становятся несущественными (*crise des differences*), их требуется воссоздать через мифический образ «козла отпущения» (*victime emissaire*). «Вместо повсеместной эскалации насилия в ответ на насилие миф "козла отпущения" позволяет направить негативную энергию на одну-единственную жертву» [Girard 1972, p. 115]. Третий этап, который предшествует институционализации насилия, предполагает поиск приемлемой для общества жертвы (*victime sacrificable*). В отличие от «козла отпущения», чья чужеродность для сообщества была воссоздана искусственно, приемлемая для общества жертва не находится ни внутри его, ни вне. Она принимает форму «дьявольских двойников» (*doubles monstrieux*), которых потенциально можно найти у каждого члена «малого» общества³. «Существование дьявольских двойников создает условия для замещения жертвы насилия, для концентрации насилия на единой для

³ В современной российской политике и прессе в ходу термин «оборотни».

всех жертве» [Girard 1972, p. 224]. У сообщества больше нет необходимости искать для управления насилием внешних врагов или линчевать «козлов отпущения». Достаточно указывать на «оборотня», который скрывается за внешне мирным видом хорошо знакомых лично людей.

Дуализм норм

Прямо противоположное поведение в отношении, с одной стороны, к членам сообщества, к *своим*, и, с другой стороны, к тем, кто находится вне сообщества, *другим, чужим*, позволяет увидеть в дуализме норм еще один критерий «малого» общества. Дуализм норм предполагает противоположное модернизации движение, так как в современном обществе постепенно исчезают различия между людьми, принадлежащими к разным сообществам. «Тенденции современного развития Запада и человечества в целом означают стирание различий в степени, никогда ранее не виданной» [Girard 1972, p. 261]. В терминах теории соглашений речь идет о принципе человеческого единства (*commune humanite*). Согласно этому принципу «одни и те же индивиды могут следовать различным правилам игры, что опровергает гипотезу о существовании жесткой взаимосвязи между нормативно-ценностными системами и различными социальными группами» [Boltanski, Thevenot 1991, p. 188]. Иными словами, степень дуализма норм может служить мерой продвижения того или иного общества по пути модернизации. Чем более двойственны нормы, тем менее современно общество, построенное на их основе, и наоборот.

Заметим, что зависимое положение общества, навязывание ему норм извне создают наиболее благоприятные условия для дуализма норм. Навязанные нормы в сознании индивидов ассоциируются с внешним врагом, вызывающим ненависть, враждебность, тогда как «свои» нормы стимулируют добровольное подчинение их предписаниям, солидарность, отсутствие насилия. «Этот аспект проявляется особенно рельефно в тотальных институтах Гоффмана. Такие институты предполагают солидарность внутри социальной группы и враждебность ее членов по отношению ко всему, находящемуся за ее пределами» [Smelser 1998, p. 8—9]. Чем более явные формы принимает зависимое положение общества, тем более дуальны нормы повседневной жизни в нем. Еврейские гетто, организованные нацистами в период Второй мировой войны, представляют собой крайний случай дуализма норм. В описании Б. Беттелхейма дух гетто означает максимально биполярное восприятие мира. «Они (евреи европейских стран, оккупированных нацистами. — А.О.) воспринимали себя прежде всего в перспективе гетто. Они ощущали себя слабым меньшинством, окруженным всемогущим врагом» [Bettelheim 1991, p. 300].

Для описания дуализма норм в «малом» обществе прежде всего требуется найти приемлемую концепцию. Учитывая, что общепринятой концепции нет, сравним достоинства и недостатки каждого из ее альтернативных вариантов. Во-первых, часто используемая для описания локализованных взаимодействий концепция малых групп оказывается не вполне приемлемой для настоящего исследования, так как в ней имплицитным образом предполагается вписанность участвующих в них индивидов в более широкие общности. Самодостаточный характер «малого» общества отходит поэтому на второй план.

«Малое» общество: теоретическая модель...

Во-вторых, упомянем подход эволюционной биологии, согласно которому двойственность поведения объясняется существованием двух групп — альтруистов и эгоистов. Встреча между альтруистом и эгоистом всегда ставит первого в проигрышное положение, поскольку норма альтруизма бессильна перед агрессией эгоизма. Наоборот, взаимодействие между двумя альтруистами всегда обеспечивает им больший выигрыш, чем взаимодействие между двумя эгоистами. В этой ситуации альтруисты стремятся к формированию однородных и закрытых групп (*clusters*) для того, чтобы уменьшить риск встречи с эгоистами. «Группа альтруистов вырабатывает некоторые механизмы, которые позволяют ей защитить своих представителей и успешно конкурировать с эгоистами в рамках естественного отбора» [Monroe 1994, p. 870—871]. Эволюционная логика объясняет «естественное» подразделение общества на кластеры, каждый из которых самодостаточен и закрыт. Однако эволюционная биология допускает, что каждый индивид может играть лишь одну единственную социальную роль, превращаясь в подобие робота.

В-третьих, социальная антропология описывает дуализм норм в терминах оппозиции между *Нами* и *Ими*. Организация социальных отношений между полюсом *Мы* и полюсом *Они* характерна для традиционных обществ, она отражает важный этап в трансформации «малого» общества в «большое». Например, противопоставление *Мы* и *Они* сопровождало первые этапы становления рабочего движения. Это противопоставление лежит в основе традиционного сознания ремесленников, ставшего одним из источников рабочего движения, которое можно определить как «защитную реакцию, сознание, направленное на саму группу, а не на общество, воспринимаемое в качестве враждебной внешней среды» [Touraine, Wieviorka, Dubet 1984, p. 29]. На уровне повседневной жизни противопоставление *Мы* и *Они* принимает форму тотального недоверия к «чужим», резко контрастирующего с полным доверием к «своим». «При встрече с чужими первая реакция заключается не в страхе, а в недоверии. Чужим не доверяют никогда, даже если они пытаются показать свою расположенность» [Hoggart 1970, p. 119].

Таким образом, в коллективном сознании, возникшем на базе дуальной оппозиции, насилие присутствует лишь в отношениях с другими, с чужими. Насилие почти всегда исключено в отношениях внутри группы, со своими. «Вопрос о разделении на *Мы* и *Они* неизбежно встает при попытках объяснить тенденцию приписывать иностранцам жестокость, способность к насилию. Эта тенденция приводит к попыткам полностью вытеснить иностранцев из общества» [Roche 1993, p. 142]. Исключительно традиционный характер противопоставления *Нас* и *Их* ограничивает аналитическую ценность этой концепции, так как теряется осознанный и осмысленный выбор людей.

Наоборот, четвертый способ описания дуализма норм основывается на предположении осознанных и свободных действий. Этот способ заключается в обращении к социологии действия: взаимодействие акторов изменяет свою сущность, как только один из них начинает восприниматься как противник (*adversaire*). Обратимся к схеме, предложенной А. Турэном для анализа коллективных актов. И/О/Г, т. е. идентичность (актор) — оппозиция (противник) — тотальность (цели сторон конфликта). Участвуя в конфликте по поводу использования культурных ресурсов, актер одновременно осуществляет свою само-

идентификацию и противопоставление другой стороне конфликта, противнику [Touraine 1965, p. 160—164]. Совокупность норм, которые регулируют самоидентификацию, практически никак не пересекается с нормами, управляющими противопоставлением. Впрочем, логика И/О/Т требует, чтобы наличествовала третья совокупность норм, которым подчиняются одновременно и актер, и противник (Турэн называет эту совокупность тотальностью). Например, «тотальные» нормы принимают форму индустриальной культуры в случае конфликта между рабочим движением и капиталистами.

Ценности прогресса, экономического развития одинаково значимы и для актора, и для его противника. Если коллективный актер не признает существования никаких общих для него и его противника нормативных рамок, то он превращается в социальное антидвижение. В конфликте находят свое место жестокость и насилие, если в нем исчезают общепризнанные всеми сторонами нормативные рамки. Иными словами, насилие превращается в норму тогда, когда дуализм норм принимает свои крайние формы. «Насилие царит в тех сферах, где сталкиваются интересы акторов, но отсутствие приемлемых для всех норм не позволяет структурировать конфликт и делает его исход непредсказуемым» [Wieviorka et al. 1999, p. 53].

Разрушение или отсутствие общих нормативных рамок во взаимодействии рождает другую модель дуальных отношений — между друзьями и врагами. Политические науки широко используют ее для описания политических процессов. Как отмечал немецкий политолог начала XX в. К. Шмит, взаимоисключающие отношения с друзьями, с одной стороны, а с врагами, с другой стороны, представляют собой *differentia specified* всех политических взаимодействий. «Политический враг всегда воспринимается как чужак, как иностранец; в любых конфликтах с ним отсутствуют какие-либо правила, обращение к посреднику для их разрешения тоже исключено» [Schmitt 1992, p. 65]. Мы сталкиваемся здесь с «ужасающим стремлением не видеть во враге человеческое существо, вынести отношения с ним за рамки закона и человеческого сообщества в целом» [Ibid., p. 97]. Уважительное отношение к нормам, значимым для всех участников взаимодействия, характерно лишь для отношений между друзьями. Впрочем, разделение на друзей и врагов описывает лишь крайний случай дуальных отношений, когда какая-либо кооперация между их участниками исключена.

Можно ли анализировать «малый» мир на основе концепции сети (*network*)! Социальные связи, организованные в форме сетей, всегда персонифицированы; они не обязательно предполагают четкое разделение между сферами деятельности, отношения преимущественно ориентированы вовнутрь группы, а не вовне. Все эти особенности сетей делают эту концепцию наиболее привлекательной для нашего исследования. С помощью модели сети можно описать широкий спектр взаимодействий, учитывая разнообразие типов сетей, — униплекс и мультиплекс (в зависимости от числа связей между участниками взаимодействия: чем больше связей, тем размытее границы между сферами деятельности), активные и латентные, эгоцентричные и полицентричные, прямые и основанные на отношениях типа «друзья друзей» [Roche 1993, p. 174—180; Stephenson, Hayden 1995, p. 848, 855]. Концепция сети приобрела особую популярность в экономических науках, где с ее помощью описываются нетрадиционные формы организации, ориентированной на достижение цели, реализацию проекта,

«Малое» общество: теоретическая модель...

общего для ее участников. Коммерческий успех таких организационных форм, как японская фирма или индустриальный дистрикт, объединяющий по географическому признаку множество малых и средних предприятий, во многом объясняется выгодами мобилизации ресурсов в рамках сети [Aoki 1991, p. 245, 260; Perrow 1993]. Сеть предполагает одновременно локальный характер взаимодействий и их подчинение принципам рационального выбора.

Какой же термин наилучшим образом отражает дуализм персонифицированных отношений в «малом» обществе? Нам еще остается рассмотреть термин «мафия». Концепция мафии вполне укладывается в изложенную выше логику сетей, за исключением одного — их открытого вовне характера. Воспроизведем, к примеру, «двойное определение феномена каморры: речь идет одновременно и о кланах, и о сетевых структурах, в которые они объединяются» [Cesoni 1995, p. 366]. Наличие в мафиозной организации элементов клана, имеющего традиционную природу, и сети, производной современного общества, соответствует специфике «малого» общества, заключающейся в персонификации отношений, отсутствии четких границ между сферами деятельности, несовершенстве контроля над насилием и дуализме норм. Почти каждый принцип функционирования мафии имеет одновременно как традиционную, так и современную природу. Например, дружеские отношения между членами мафии получают совершенно новую трактовку. «Дружба мафиози практически лишена тех качеств, которые обычно ассоциируются с этим понятием. Она лишь вуалирует самый заурядный обмен услугами» [Gambetta 1993, p. 201]. Исходя из того что мафию невозможно свести ни к традиционному, ни тем более к современному обществу, ее вполне можно отнести к *незавершенной модернизации*. Таким образом, определение мафии, данное П. Арлакки, кажется нам наиболее точным: речь идет о «странной смеси традиции и современности» [Arlacchi 1986, p. 225].

Оставляя на время в стороне культурологическое прочтение феномена мафии, попытаемся объяснить специфику ее структуры с помощью аппарата институциональной экономики. В этой точке зрения мафиозная организация предполагает амальгаму традиционной сферы и «проектной» сферы (деятельность, ориентированная на реализацию конкретного проекта). С одной стороны, для мира мафии характерно противопоставление всего, что происходит внутри^ тому, что лежит вне ее границ. С другой стороны, персонифицированные отношения мобилизуются для достижения конкретной цели, проекта, причем даже в обход традиционных запретов и ограничений. Мобилизация во имя реализации проекта отличает проектное соглашение от любой другой сферы деятельности. «Проект объединяет самых разных людей на сравнительно короткое, необходимое для его реализации, время. Впрочем, даже после завершения работы над проектом сформировавшиеся связи остаются, хотя и принимают до следующей окации латентную форму» [Boltanski, Chiapello 1999, p. 157]. В проектной и традиционной сферах, отношения базируются на личном знакомстве. В обоих случаях взаимодействия происходят преимущественно внутри системы персонифицированных отношений. Единственное существенное отличие касается динамического аспекта персонифицированных отношений. В традиционной сфере все отношения предопределены и не предрасположены к изменениям во времени. В проектной сфере отношения чрезвычайно гибки и могут изменяться так быстро, как этого потребует специфика работы над проектом.

Что же касается «малого» общества, то мы предпочитаем говорить об амальгаме двух сфер: ни традиционная, «семейная», логика, ни логика работы над проектом не являются доминирующими в абсолютном смысле. Нет между ними и компромисса, согласования взаимоисключающих требований. Каждое действие может быть интерпретировано как с традиционной точки зрения, так и с проектной.

Навязанные властные отношения как центральный элемент конституции «малого» общества⁴

Чтобы объяснить тенденции к локализации, персонификации, дуализации отношений внутри «малого» общества, к стиранию границ между сферами повседневной жизни и к контролю насилия неинституциональными методами, требуется учесть специфику складывающихся в нем властных отношений. Именно властные отношения особого типа являются главным связующим звеном между различными элементами конституции «малого» общества.

Согласно общепринятому определению власть индивида (или организации) над другими индивидами реализуется через право контролировать их действия. Если говорить об определении властных отношений, то в русском языке отсутствует четкое разделение двух случаев ограничения свободы одного субъекта в пользу другого, принципиально важное для понимания природы власти. В английском языке, как и в большинстве других европейских языков, различают слова *power* и *authority*. «*Power* — это вероятность того, что один из участников социального взаимодействия окажется способным навязывать остальным участникам свою волю вопреки их сопротивлению, на чем бы такая вероятность ни основывалась. *Authority* — это вероятность того, что указание относительно совершения специфических действий будет выполнено группой людей, к которой оно адресуется» [Weber 1968, p. 53]. Речь идет либо о прямом навязывании своей воли другому человеку, либо об его убеждении в необходимости подчиниться. В своей крайней форме власть как навязывание воли практически совпадает с одним из мотивов совершения преступлений. Так, криминологи видят одну из возможных причин совершения преступлений в стремлении доминировать над жертвой, навязывать ей свою волю [Cusson 1981, p. 151]. Различие между навязыванием воли (власть-как-навязывание) и убеждением в необходимости подчиниться (власть-как-убеждение) имеет и чисто экономическое содержание. По мнению К. Менара, управленческие структуры отличаются между собой по степени интенсивности принуждения по отношению к своим участникам. Так, в гибридных формах (отношенческой контрактации) преобладает власть-как-убеждение, тогда как в иерархически организованных формах — принуждение [Menard 1996, p. 4—5].

Детализируем типологию властных отношений (табл. 1). Дж. Коулмен, в частности, выделяет согласованную, рассогласованную и навязанную власть, а также простые и сложные властные отношения [Coleman 1990, p. 69—82]. О согласо-

⁴ При написании настоящего параграфа без специальной ссылки были использованы материалы статьи «Конституция российского рынка: согласие на основе пессимизма?» (Социологические исследования. 2003. № 9).

«Малое» общество: теоретическая модель...

Таблица 1 Типология властных отношений

По степени соответствия интересов субъектов		По субъекту		По объекту
Authority	Согласованные	Простые	Персонифицированные	Экономические
	Рассогласованные	Сложные	Деперсонифицированные	Политические
Power	Навязанные			

ванной власти говорят в том случае, если субъект сознательно делегирует право контроля над своими действиями другому субъекту в надежде на улучшение своего положения под руководством последнего. Причем решивший подчиниться чужой воле субъект сохраняет за собой возможность «отозвать» право контроля, если оптимистические ожидания не сбываются. Подчеркнем, что согласованная власть означает необходимость подчинения лишь в четко оговоренных сферах, а любые попытки со стороны «контролера» распространить свои полномочия за эти пределы пресекаются. В рассогласованном варианте власть возникает в результате отказа экономического субъекта от части своей свободы в надежде на получение определенного материального вознаграждения. Совпадения интересов экономического субъекта и «контролера» здесь не требуется. И согласованный, и рассогласованный варианты власти носят добровольный характер, они производны от власти-как-убеждения. Власть-как-навязывание устанавливается вследствие шантажа «контролера», который «отказывается от некоторых своих действий, ухудшавших бы положение экономического субъекта, в обмен на его подчинение» [Coleman 1990, p. 71].

Для простых властных отношений характерна передача права контроля непосредственно тому субъекту, который его будет осуществлять. В случае же сложных властных отношений «контролер» может делегировать право контроля своему представителю, например менеджеру. Персонифицированная власть сводится к передаче права контроля конкретному субъекту. Напротив, деперсонифицированная власть означает, что право контроля принадлежит не конкретному лицу, а любому, кто занимает определенную позицию в организационной иерархии. «Члены организации подчиняются наделенному властью лицу не как конкретной персоне, а как представителю обезличенного порядка» [Weber 1968, p. 218]. Экономическая власть распространяется только на материальные ресурсы и гарантируется правом собственности на них. Политическая власть описывает отношения господства и подчинения между людьми.

В случае установления рассогласованных или навязанных властных отношений интересы властей предрержащих, принципалов, совершенно не совпадают с интересами тех, кто вынужден подчиняться решениям власти, агентов. Рассогласование интересов рождает неофициальную, теневую жизнь и в то же самое время рождает так называемую проблему принципала и агента. Проблема принципала и агента заключается в поиске способов принуждения агентов к выполнению требований принципала в ситуациях, когда их интересы не совпадают, а принципал не обладает всей информацией о действиях агента (иначе говоря, между ними существует асимметричность информации) и не может контролировать все действия последнего из-за высоких издержек на осуществление контроля [Stiglitz 1987, p. 968—969].

Возможное превращение согласованной власти в отношения между принципалом и агентом обуславливает дуализм норм в их поведении и размывает границы между различными сферами их повседневной деятельности. Во-первых, несовпадение или даже противоположность интересов, особенно ярко выраженные в случае навязанной власти, означают, что партнер по социальному взаимодействию превращается в чужака, по отношению к которому действуют совсем иные нормы. Например, максимизация полезности и тесно связанная с ней норма утилитаризма касаются лишь действий принципала, то же самое верно и в отношении нормы рациональности. Действия агента скорее соответствуют модели ценностно-рационального поведения, так как он свободен только в выборе средств для достижения целей, определенным принципалом⁵.

Во-вторых, отношения между принципалом и агентом всегда связаны с опасностью экспансии контроля принципала на те сферы деятельности агента, о которых изначально речь не шла. «Распространение сферы контроля за пределы той сферы, которой напрямую касаются властные отношения», представляет собой серьезную опасность для агента [Coleman 1990, p. 152]. Экспансия контроля делает прозрачными границы между сферами деятельности, в том числе и границу между публичной и частной жизнью. Иначе говоря, отношения между принципалом и агентом воспроизводят традиционные социальные отношения, они объективно являются препятствием модернизации. Именно навязанный характер властных отношений, повсеместное распространение *power*, а не *authority*, и следует признать основной причиной существования «малого» общества.

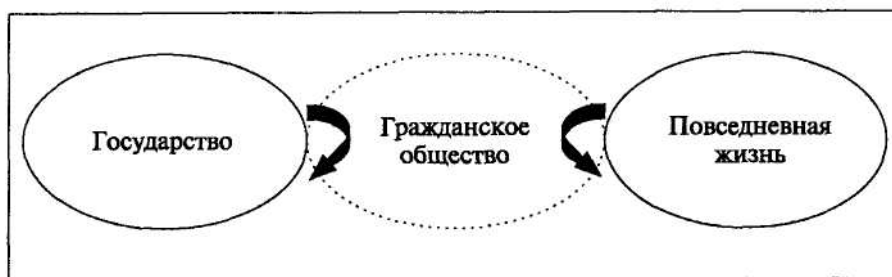
3. Эмпирические приложения модели «малого» общества

Чтобы продемонстрировать практическую ценность модели «малого» общества, применим ее к изучению четырех совершенно не связанных между собой на первый взгляд институциональных структур: тюремного сообщества, постсоветского общества вообще и постсоветского бизнеса в частности, а также академической среды. Мы покажем, что четыре рассматриваемых случая имеют конгруэнтную, или сродственную, в терминах М. Вебера, институциональную структуру. Эта конгруэнтность объясняется присутствием во всех четырех случаях элементов «малого» общества. Тюремное сообщество наиболее близко к идеальному типу «малого» общества, поэтому обсуждение будет начато именно с него.

Принадлежность постсоветского общества и бизнеса к типу «малых» обществ объясняется, на наш взгляд, прежде всего сохранением навязанного характера властных отношений. Несмотря на соблюдение формальных принципов выборности власти, ее представители остаются неподконтрольными и оторванными от основной массы избирателей из-за слабости или отсутствия институтов гражданского общества.

Несмотря на то что государство даже в сталинскую эпоху не обладало такими же ресурсами принуждения и подчинения, какие есть у тюремных надзира-

⁵ Подробнее о дуализме норм во взаимоотношениях принципала и агента см. [Олейник 2002, с. 241-251].



Навязанный характер власти в постсоветском обществе

телей, отношения граждан к государству и отношения заключенных к тюремной власти отражают один и тот же тип взаимоотношений между властью и обычными людьми. Государство, лишённое механизмов представительства и согласования интересов, не позволяет своим гражданам выйти за пределы воспроизводства «тюремной» модели. В современной России место институтов, обеспечивающих связь между интересами государства и повседневными интересами его граждан, остается незанятым (см. рисунок).

Что касается академического сообщества, то его принадлежность к типу «малых» подмечена в ряде художественных произведений [Lodge 1985] и фильмов («Закат американской империи», «Пурпурные реки»). Сходство не ограничивается поверхностными аналогиями: в постсоветской, равно как и в западной, науке отсутствуют общепризнанные центры власти, что придает ей характер навязанной в глазах многих членов научного сообщества. Пример институциональной организации академического сообщества интересен еще и тем, что он позволяет убедиться в достаточной универсальности модели «малого» общества. Ситуация в западных странах в этой сфере ненамного отличается от постсоветской. Если в первых трех случаях модель «малого» общества оказывается достаточно специфической, чтобы с ее помощью описывать постсоветские реалии, то в последнем случае проявляются ее универсальные черты.

Тюремное сообщество

Несмотря на миллионную численность (в 2000 г. в российских тюрьмах содержалось 1060 085 человек, включая находящихся под следствием), тюремное сообщество остается «малым» с точки зрения социальной организации. Анализ социальной структуры тюремного сообщества с помощью пяти критериев (степень дифференциации сфер повседневной деятельности, степень персонализации отношений, степень дуализма социальных норм, степень институционализации использования насилия и характер властных отношений) поможет нам убедиться в справедливости данного тезиса.

Отсутствие четких границ между частной и публичной жизнью

Массовое заключение несет в себе серьезную угрозу сферам фундаментальной автономии индивида, что ставит под вопрос целостность личности заключенного. Будучи лишенным пространства личной, частной жизни, в которой индивид может оставаться самим собой и не играть навязываемые обществом роли, помещаемый в заключение человек теряет возможность контролировать свои

действия. Таким образом навязанная или рассогласованная власть воспроизводится на микросоциальном уровне — разрушение пространства частной жизни снижает способность к автономным действиям и, следовательно, сокращает возможности индивида осознавать передачу контроля над его действиями, лежащего в основе властных отношений.

Жизнь в бараке (на каторге, в лагере принудительных работ, в колонии) вынуждает заключенного делить все моменты своей повседневной жизни, вплоть до самых интимных, с окружающими его людьми, другими заключенными. До начала 1960-х годов советский заключенный был лишен даже индивидуального спального места. Он располагался для отдыха на нарах бок о бок с десятками других осужденных. Нары по-прежнему в ходу во многих перенаселенных камерах следственных изоляторов. «А при такой скученности спать можно только с кем-то, в одиночку просто невозможно»⁶. Введенный в действие в 1961 г. Исправительно-трудовой кодекс заменил нары на индивидуальные кровати размером 1,8*0,5 м, располагающиеся на двух ярусах, — шконки. Шконка продолжает служить заключенным и по сей день. Каждый отряд, объединяющий от 40 до 150 заключенных, располагается в большом помещении, в котором отсутствуют какие-либо перегородки. Расположение шконок на двух (реже на трех) уровнях означает, что у каждого заключенного как минимум пять ближайших соседей. Согласно обычной практике заключенные не имеют права выбирать соседей — это относится к компетенции офицера (начальника отряда).

Лишение заключенного возможности влиять на организацию своего жизненного пространства порождает многочисленные конфликты. С одной стороны, наиболее близкий в физическом пространстве человек совершенно не обязательно является близким в социальном смысле. «Мне тут сидеть еще 12 лет, а они ложат молодого рядом со мной. У нас разные взгляды на жизнь, на все другое... Тоже как-то не соответствует. Я ничего не могу сделать. И он ничего не может сделать» (№ 36). С другой стороны, «Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений» запрещают заключенным устанавливать перегородки и вывешивать занавески в спальнях помещениях, что помогло бы хоть как-то решить проблему нежелательного и вынужденного соседства. Более того, запрещено «индивидуализировать» тюремное пространство, вывешивая на стенах или в голове своей шконки фотографии, почтовые открытки, рисунки [Правила... 1997, с. 5]. «А чего не разрешили? Отдельные ячейки на 4—6 человек, на 8 человек. А у нас перегородку последнюю сломали. После работы прийти, например, мы знаем — у нас есть 5—6 человек, мы уже знаем — приходим с работы — можем отдохнуть. А в соседнем проходняке — они музыку хотят послушать. А нам отдохнуть нужно. И уже получается неудобство какое-то... Каждому человеку хочется иметь свой угол» (№ 1).

Отсутствие в тюрьме четких границ между частной и публичной жизнью придает надзору абсолютный и повсеместный характер. Надзором заняты не только представители пенитенциарной администрации, но и сами заключенные. Находясь в тюрьме, люди вольно или невольно начинают надзирать друг за другом. «Сейчас она (лагерная система. — А. О.) работает на том, что... на сексот-

⁶ Фрагмент из интервью № 28, проведенного с осужденным (далее по тексту они будут обозначаться только по номеру). Всего было проведено более 50 углубленных интервью с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы в 10 регионах России.

«Малое» общество: теоретическая модель...

стве таком... И все. Друг за дружкой смотрят, рассказывают, подглядывают» (№ 23). Вплоть до того, что даже название представителей высших слоев тюремной иерархии (смотрящие), указывает на повсеместный характер надзора.

Персонафицированные отношения

Лишение свободы и помещение в пенитенциарное учреждение обуславливают не только психологический, но и глубокий социальный стресс. Исследование, посвященное анализу первых месяцев жизни за границей, показало, что даже менее радикальная смена социального контекста приводит к «статистически достоверному и клинически значимому эмоциональному стрессу» [Furukawa, Sarason, Sarason 1998, p. 58]. Привычные социальные связи, в том числе наиболее интенсивные, подвергаются быстрому разрушению, что оставляет попадающего в заключение человека без социальной поддержки. В то же самое время потребность в помощи даже для решения самых банальных проблем (например, приобретение продуктов) и в поддержке особенно высока именно в тюрьме.

Разрешение противоречия между разрушением прежних социальных связей и острой потребностью в социальной поддержке заключенные находят в поиске новых механизмов социализации, адаптированных к тюремным условиям. Эта новая социализация происходит на основе глубокой персонафикации отношений и ограничивается рамками отношений, имеющих личностную окраску. Например, в нацистских концентрационных лагерях явным было различие между «механическим» сообществом, состоящим из всех помещенных в ограниченное пространство барака людей, и локальным товариществом (*camaraderie*), основанным на «связях не со всей массой окружающих людей, а с теми немногими из них, кто стал ближе ввиду исключительных обстоятельств и по отношению к которым возникла привязанность» [Durand 1987, p. 156]. Можно утверждать, что *все социальные связи в тюремном мире носят локальный, персонафицированный, межличностный характер*. «Малое» общество населено людьми, которые знакомы друг с другом либо напрямую, либо через знакомых или знакомых знакомых. Рассмотрим подробнее несколько моментов из жизни тюремного сообщества, которые позволяют охарактеризовать персонафикацию отношений в нем как негативным, так и позитивным образом.

Начнем с позитивного. Персонафикация отношений помогает заключенным сделать более полным портрет, получаемый на основе первого визуального знакомства и сводящийся к набору наиболее легко схватываемых черт. Персонафицированные отношения предполагают возникновение репутации, содержащей информацию обо всей совокупности ролей, которые находятся в «репертуаре» социального партнера. Особую важность в персонафицированных отношениях играют детали. В отличие от обычного человека заключенный приобретает навыки распознавания своего собеседника на основе короткого разговора или даже простого наблюдения. Жесты, восклицания, манера держать себя, выражение глаз, голос иногда содержат больше информации о действительной сущности собеседника, чем его слова и фразы. «Вот я безошибочно, вот в дверь кто-то входит, я говорю — это злой, так безошибочно определяю, например, степень человека, его порядочности» (№ 23).

Персонафицированные отношения вовсе не обязательно ограничиваются кругом непосредственно участвующих во взаимодействии лиц. Не исключена их универсализация, но в особой форме — через удлинение и пересечение ло-

кальных цепочек знакомств. Впрочем, распространение информации о репутации, намерениях и возможных действиях конкретного человека по таким цепочкам происходит довольно быстро. «Здесь вот даже проходит, лично сталкивался, 10—15 лет, сталкиваются с этим человеком — и никуда не денешься. 10 лет проходит, и всплывает это. И опять он будет тем, кем он должен быть» (№ 3).

Устойчивый характер репутации в тюремном мире объясняется прежде всего наличием длинных цепочек личных знакомств и частотой их пересечения. Достаточно знать одного заключенного, находящегося в данный момент в интересующей вас колонии, чтобы через его связи собрать информацию о любом другом заключенном из того же пенитенциарного учреждения. Поиск информации осуществляется с помощью «ксив» и «маляв» — писем, в которых запрашивается соответствующая информация. Эти письма передаются тайным образом через этапы (группы заключенных), постоянно идущие из одного региона в другой, из одной колонии в другую.

Высокий уровень рецидивной преступности в России и принцип территориального исполнения наказаний (как правило, осужденный остается в том же регионе, где было совершено преступление и где происходил суд) увеличивают вероятность того, что заключенные будут многократно встречаться на протяжении их тюремной «карьеры». «Там (в СИЗО. — А.О.) было большое количество из моего города, поэтому было легче — были общие интересы и даже общие знакомые попадают. Поэтому там было легче адаптироваться, чем здесь» (№ 34).

Дуализм понятий

Порядок в повседневной жизни заключенных не предполагает равенства и симметричности прав и обязанностей представителей разных каст («мужики», «обиженные», «блатные» и др.). Напротив, главным условием стабильности этого порядка следует признать нересипрочность, радикальную асимметричность прав и обязанностей. Для каждой категории заключенных они специфические, причем соответствие между ними является скорее исключением, чем правилом. Поведенческие нормы (понятия) у представителей каждой касты свои, не совпадающие с понятиями, на которые ориентируются другие заключенные. Порядок и стабильность в целом базируются именно на всеобщем согласии с несимметричным характером прав и обязанностей. «У каждого свой уровень жизни здесь. Я, например, буду судить по одному критерию, другой человек — по другому. *Можно ли сказать, что они живут по разным понятиям? Да*» (№ 1).

Мужики живут по своим понятиям, воры в законе — по своим. Особые нормы регулируют также взаимоотношения между представителями различных категорий — воры и мужики, мужики и «петухи» («обиженные») и т. д. Рассмотрим нормы, регулирующие взаимодействия между ворами в законе, учитывая, что на эти нормы ориентируются и положенцы, и многие смотрящие, т. е. неформальные лидеры тюремной среды. Прежде всего подчеркнем глубокий дуализм норм, регулирующих взаимоотношения *внутри* сообщества воров и *между* ворами и представителями других категорий. С одной стороны, абсолютная честность и порядочность является правилом внутри воровского сообщества. «Изначальные воровские законы — это, во-первых, честность и справедливость по отношению к своим товарищам» (№ 3). Во-вторых, «во взаимоотношениях с остальными разрешено все, что способствует укреплению авторитета воров» [Гуров 1995, с. 109]. Традиционная философия блатных предполагает, что все заключенные в общем

«Малое» общество: теоретическая модель...

и целом разделяются на две группы. Человеческие права признаются лишь за теми, кто относится к блатным и живёт по законам этой касты. Другие заключенные носят уничижительное звание фраеров. «Ложь, обман являются нормой во взаимоотношениях с фраером. Фраер и создан для того, чтобы его обманывать» [Шаламов 1998, т. 2, с. 17]. Право голоса в тюремном мире имеют в первую очередь блатные, представители неформальной ветви власти. Именно обладание «авторитетом», неформальной властью обеспечивает достаточную степень свободы и самоуважения.

Что касается мужиков, то дуализм норм наблюдается и в повседневной жизни. Отметим сомнения заключенных относительно того, стоит ли полностью отказываться от обращения к представителям администрации для решения повседневных проблем и конфликтов. «Вот осужденные делятся по мастям, кому-то запахло, кому-то нет. Вот тот же мужик — ну ему совершенно все равно, к кому идти, а блатной не пойдет (к администрации. — *А. О.*)» (№ 38). Не следует забывать, что именно голос представителей легальной власти играет решающую роль в процессе принятия решения и об определении условий содержания, и об условно-досрочном освобождении (освобождение из заключения по истечении определенной части срока наказания). В этих условиях дуализм отношений между заключенными и администрацией, предполагающих, с одной стороны, полную зависимость от легальной власти, а с другой стороны, ее полное отрицание ввиду ее навязанного характера, превращается в дуализм норм, регулирующих контакты с надзирателями. Контакты с администрацией, равно как и стремление к УДО, по «понятиям» допустимы лишь для мужиков. «Мужикам никогда не было зазорно освобождаться по УДО. Мужик есть мужик. У него семья, дети. А если он считает себя авторитетным, там блатным, носителем законов, идей воровских, ему было запахло освобождаться. Вообще пользоваться, любыми благами пользоваться, которые предоставляет администрация или там советская власть, — это было запахло. Это было неприемлемо» (№ 18). Двойственность предписаний относительно контактов с администрацией зачастую ставит заключенного перед трудным и неочевидным выбором. Либо он все же решается обратиться к «чуждой» администрации, либо ему не удастся защитить свою честь и достоинство (если обидчик сильнее или выше рангом). Обычно заключенный ранжирует для себя понятия, адаптируя их к своим интересам и потребностям. Достигается своего рода компромисс между требованиями норм, но этот компромисс всегда индивидуален, двойственность норм не позволяет придать ему универсальный характер.

Укажем на атрибут⁷ «ближний» и его вариант «свой» в норме «не кради у ближнего», что, по нашему мнению, является дополнительным аргументом в пользу тезиса о глубоком дуализме норм. Запрещается не красть вообще, а красть у *ближнего*, у *своего*. «Не бери чужого — за это могут спросить. На воле вы можете у Ивана Ивановича, соседа своего, взять телегу или машину прокатиться. Он же не побежит в суд жаловаться. А здесь... Если он был здесь простым мужичком, вышел и смотрит — а, это Иванов, он сидел, я не пойду у него красть. А тот же Иванов, если он сидел — был авторитет, он у этого же Петрова, кото-

⁷ Согласно структурологическому подходу, атрибут определяет социальную группу, на которую распространяются предписания нормы [Crawford, Ostrom 1995, p. 584].

рый не может украсть, — пойдет и украдет» (№ 2). Иначе говоря, требуется умение правильно выбрать жертву преступного деяния.

Наконец, отношение мужиков и блатных к «обиженным», особенно к «петухам», наиболее рельефным образом иллюстрирует идею дуализма понятий. «Петухи» олицетворяют собой для остальных заключенных образ чужих, посторонних тюремному миру людей. Если мужики не всегда имеют право голоса в масштабе всего тюремного сообщества, то это право им полностью обеспечено во взаимоотношениях с «обиженными». Что же касается представителей тюремной касты «обиженных», то они полностью лишены возможности высказать свое мнение и заставить его уважать. «Ну вот дать им («петухам». — А.О.) что-то — это и я дам, а вот взять — я же у них ничего не возьму никогда... Не дай бог он бы вякнул на мужика. То есть уважающий себя мужик, настоящий, он просто обязан ему разбить голову сразу же, если на него «петух» даже просто повысил голос, ну вот по нашей жизни» (№ 21).

Незаконные методы регулирования насилия

Организация тюремного пространства и времени делает ежедневные конфликты между заключенными неизбежными. Рассмотрим подробнее два источника насилия в повседневной жизни — отсутствие четкой границы между частной и публичной жизнью и трудности с самостоятельной организацией свободного времени, впрочем, и так весьма ограниченного в заключении. Отсутствие четких границ между частной и публичной жизнью делает относительным понятие индивидуальной собственности. Фактически прикроватная тумбочка представляет собой единственную материально осязаемую границу индивидуальной собственности. По всей вероятности, центральное место понятия «Не кради у ближнего» в тюремной субкультуре объясняется стремлением заключенных дополнить эту весьма условную физическую защиту индивидуальной собственности нормативными механизмами. Иначе говоря, тюремное заключение одновременно и облегчает мелкие кражи, и создает настоятельную потребность в их эффективном предотвращении. Заметим, что воровство у «своих» с точки зрения тюремной субкультуры относится к наиболее тяжким преступлениям, что и отражено в жестокости наказания за подобные проступки. Каким бы ни был ущерб от воровства — иногда речь идет всего-то о паре сигарет — заключенные не склонны относиться к подобным правонарушениям (точнее, понятия-нарушениям) менее строго. Отсюда и жестокость наказания: исключение вора из тюремного сообщества через его деклассирование и неизбежную маргинализацию.

Задержка воришки с поличными на месте преступления является легитимным с точки зрения тюремной субкультуры поводом для выплескивания всех накопившихся негативных эмоций на «крысу», сублимацию на ней насилия. «Если он у меня крысанул... Я же не буду спрашивать, не пойду ни к кому, пару табуреток у него на голове размолю, и ладно...» (№ 38).

Наказание вора не ограничивается жестокими побоями, особенно когда речь идет о рецидиве. Другие заключенные вполне могут и «опустить» «крысу» через превращение воришки в пассивного гомосексуалиста. Особенно часто «опускают» в камерах СИЗО и пересыльных тюрем, где перенаселенность и постоянная ротация контингента способствуют вынесению приговоров, жестокых даже по тюремным понятиям. «Вот человек приходит из СИЗО — он помнит, что там, если ты что-то такое делаешь, стучишь там или еще что, там с

«Малое» общество: теоретическая модель...

тобой должны что-то сделать, как-то опустить, или еще как» (№ 29). Помимо жестокости собственно акта сексуального насилия, «опущенный» человек получает клеймо, от которого ему невозможно избавиться в «этой жизни» до конца своих дней. Он вынужден смириться с ролью «приемлемой» жертвы повседневного насилия. Клеймо парии, получаемое пассивными гомосексуалистами, разрешает остальным заключенным срывать на них злость и раздражение.

Особенности легальной власти

Навязанный, вплоть до враждебного, характер легальной власти следует рассматривать в качестве одного из основных препятствий использованию цивилизованных методов контроля над насилием. Проанализируем подробнее роль легальной власти в организации повседневной жизни заключенных. В частности, остановимся на трех аспектах, которые наиболее существенны для понимания функционирования пенитенциарной администрации. Во-первых, подчеркнем ее всевластие на всем пространстве, ограниченном тюремными стенами. Надзиратели могут вмешиваться в любой момент повседневной жизни заключенных. «Потому, что они захотят, то и сделают. Так было раньше. Так сейчас. Так будет в будущем. Всегда начальство определяет климат. Никто, ни арестанты, никакие идеи, не могут власть переломать, понимаете? Всё зависит от администрации» (№ 18). Имя начальника колонии на тюремном арго — *хозяин* — ярко иллюстрирует тезис о способности легальной власти навязывать без всяких ограничений свою волю заключенным. Наши собеседники не уставали многократно подчеркивать полную зависимость от воли администрации. «И я здесь не защищен ничем, если кто-то (из администрации) захочет мне что-нибудь сделать, он мне сделает» (№ 27). Легальная власть может как создать для неугодного заключенного непереносимые условия, так и значительно облегчить тяготы тюремной жизни для того, кто ей полезен. «Ну, как администрация решит, так и будет...» (№ 38).

Во-вторых, всевластие администрации практически не ограничено рамками закона. Легальная власть в тюрьме обладает достаточно большой степенью свободы даже в западных странах, где существуют механизмы внешнего контроля над действиями администрации, включая систему взаимного контроля различных институтов государства и гражданского общества. «Не только отсутствуют четкие, установленные законом рамки профессиональной деятельности надзирателей, на основе которых осуществлялся бы выбор средств контроля над контингентом заключенных, но и, зачастую, можно говорить о прямом игнорировании или нарушении тех или иных нормативных актов» [*Chauvenet, Orlic, Benguigui* 1994, p. 123]. Единственным методом лишения действий администрации характера вседозволенности следует признать ее подчинение другой тотальной власти. Ситуация, складывавшаяся в лагерях принудительных работ сталинской эпохи, служит хорошей иллюстрацией к данному тезису. Несмотря на то что ГУЛАГ часто представлялся как своего рода «государство в государстве», вседозволенность администрации была все же ограничена. Жестокость в обращении с осужденными (и с подследственными тоже) объяснялась менее всего собственной инициативой представителей лагерной администрации: ведь они исполняли директивы центральной власти относительно «врагов народа». «Все это не было своеволием. Всегда требовался приказ. В особо важных случаях всех (заключенных) заставляли подписывать документы» [*Шанамов* 1998, т. 1, с. 88].

Таким образом, чтобы ограничить тотальную власть, требуется другая, еще более тотальная, всеобъемлющая и всемогущая власть.

Неэффективность механизмов подчинения пенитенциарной администрации закону не означает, что она в своих действиях лишена иных нормативных ориентиров. Нормы «маленького» общества замещают закон — основную норму «большого» общества, а признание базовых прав за любым человеком, в том числе и осужденным, уступает место дуализму норм, регулирующих отношения между находящимися по разную сторону проволоки людьми. Цена, которую приходится платить за неуважение закона, заключается в воспроизводстве представителями пенитенциарной администрации модели «малого» общества. Каким бы парадоксальным не выглядело следующее утверждение, но надзиратели тоже живут по «понятиям» той самой тюремной субкультуры, с которой они все время пытаются бороться.

Ввиду недостатка информации, необходимой для последовательного применения всех критериев «малого» общества в анализе среды надзирателей, ограничимся описанием дуальных норм, структурирующих повседневную деятельность пенитенциарной администрации. Аналогично тому, как обиженные лишены гражданских прав в тюремном мире, надзиратели отказываются видеть в заключенных прежде всего *людей*, что влекло бы за собой признание за ними определенных прав. Несколько упрощая, можно сказать, что, с точки зрения надзирателей, существует две категории людей — «нормальные» люди и заключенные. «Есть чиновник, а есть уголовник. Между ними — забор и ступенька в три человеческих роста. Будучи просто гражданином, можно разговаривать на равных, то здесь...» (№ 1).

Отказ признать за заключенными базовые права членов человеческого сообщества дает надзирателям своеобразную индульгенцию, развязывающую им руки по отношению к контингенту. Издевательства, оскорбления, побои, рэкет становятся приемлемыми для надзирателей в их отношениях с «чужими», т. е. с заключенными. «Ну они сами оттуда (из столовой) берут. Вот тушенка была — они только сумками таскали. Вот машина не успела за угол заехать — они ее уже разгружают. Вот почему сюда не завозят ни гречку, ни рис, ни манку...» (№ 38).

Будучи вписанным в логику дуальных отношений, насилие теряет характер чего-то из ряда вон выходящего, превращаясь в норму обыденного поведения. Насилие и жестокость подчас становятся средствами для достижения администрацией легальных целей, таких как обеспечение дисциплинированности и исполнительности заключенных. Таким образом, отсутствие должного контроля над действиями надзирателей является необходимым условием превышения ими власти, а дуальный характер норм — достаточным. Молодой офицер, начальник отряда, в частном разговоре заявляет о своей готовности «поставить их на место» любыми средствами. Отметим использование выражения «мочить в сортире», с помощью которого он точно схватил специфику борьбы без жалости и без правил.

Неуважение к заключенным, отношение к ним как к «чужим», отказ видеть в них в первую очередь людей вызывают у последних симметричную реакцию. Заключенные отказываются обращаться к легальной власти для организации своей повседневной жизни, ибо она ассоциируется в их сознании с принуждением, которое необходимо при первой же возможности обойти. В данной ситу-

Таблица 2 **Уровень доверия к представителям пенитенциарной администрации,**

Ответ	Россия, N=712	Казахстан, N=396	Франция, N=59
Да	21,1	25,3	59,3
Нет	70,6	69,9	37,3
Нет ответа	8,3	4,8	3,4

ации единственной разумной стратегией является глубокое недоверие к «чужим», материализованным образом которых становится легальная власть. Чтобы убедиться в верности данного вывода, достаточно посмотреть на ответы осужденных из трех стран на вопрос нашей анкеты «Доверяете ли Вы администрации колонии?» (табл. 2). Подчеркнем, что речь идет о недоверии к институту, от которого зависят все аспекты повседневной жизни в тюрьме.

«Разорванное» постсоветское общество

Перед тем как применить модель «малого» общества к анализу советского общества, требуется уточнить природу властных отношений, на которых оно основано. Напомним, исходная гипотеза предполагает, что чуждый, навязанный характер легальной власти сближает тюремный мир и постсоветское общество. Хотя нельзя отрицать значительных изменений, которые произошли в советском обществе в послесталинское время и удалили его от тоталитарной модели, в целом модель властных отношений (близких к идеальному типу, навязанных) радикально не изменилась, как не изменилось и отношение между легальной властью и повседневной жизнью граждан. Такое постоянство модели властных отношений и позволяет нам рассматривать советское и постсоветское общество в континууме, пользуясь прилагательным «постсоветский». История взаимоотношений между российским государством и его гражданами достойна специального исследования. Здесь же мы ограничимся первым наброском, эскизом данной проблемы.

Роль советского государства в повседневной жизни граждан

Модель отношений между государством и обществом, сложившаяся на сегодняшний день, не является «изобретением» советской эпохи и имеет длительную историю. Так, власть русских царей существенно отличалась по своей природе от власти западных монархов. Концепт традиционного (*domestique*) соглашения, в терминах, предложенных Л. Тевено и Л. Болтански, позволяет подчеркнуть симметричный характер прав и обязанностей суверенов на Западе. «Привилегии короля компенсируются жертвами во имя его подданных, которые он обязан приносить: он не принадлежит себе самому, он должен забыть о себе самом во имя других» [Boltanski, Thevenot 1991, p. 123]. Восприятие царя как наместника Бога на русской земле дает ему абсолютно всеобъемлющую власть. Устанавливаемые им законы зависят только от его воли, что исключает заинтересованность в изучении контекста их применения.

Советская модель оказалась тоже неспособной заполнить вакуум, разделяющий государственную власть и повседневную жизнь граждан. Наоборот, взаимная изоляция государства и общества усилилась в результате последователь-

ной политики по уничтожению любых элементов гражданского общества, которое и призвано быть посредником между легальной властью и гражданами. Отсюда «такое социальное устройство, которое основано на атомизации, на уничтожении любых независимых от государственной власти элементов» [Ахизер 1991, т. 2, с. 178]. Результаты «атомизации как вектора государственной политики» [Тимофеев 1993, с. 121] оправдывают аналогию между постсоветским государством и тюрьмой — в обоих случаях легальная власть уничтожает все чуждые ей социальные структуры. Советская система «создала одинокого человека и использовала в своих интересах его демонстративную несоциабельность» [Levada 1993, p. 68].

Впрочем, высокие издержки организации повседневной жизни граждан под неусыпным контролем государства так никогда и не позволили полностью реализовать модель тотального института в масштабах общества, даже в сталинскую эпоху. Скорее речь идет о негативном компромиссе, основанном на взаимном игнорировании государства и советских людей. Государство отказывается от претензий на детальный контроль повседневной жизни граждан, а граждане — от попыток поставить под вопрос всевластие и неподконтрольность государства. «Население научилось держаться подальше (от государства), обходить его, мириться с ним, оставляя ему монопольное право на организацию политической сферы, но защищая при этом свою частную жизнь. Поэтому отсутствие сформированного гражданского общества не означает полной абсорбции социальной жизни партией и государством» [Berelowitch, Wiewiorka 1996, p. 22].

Негативный характер компромисса не исключает высокой степени зависимости советских людей от государства и, наоборот, зависимости государства от своих граждан, учитывая, что эта зависимость также носит негативный характер.

Во-первых, благосостояние государства во многом предопределено готовностью граждан добросовестно трудиться в легальном секторе экономики. Однако игнорирование государством интересов советских людей обусловило ориентацию части их экономической деятельности к теневой, нелегальной экономике.

Рыночные реформы 1990-х годов изменили форму негативной зависимости государства от экономических субъектов. Основной связующей нитью стали налоги, а обеспечения фискальной дисциплины значительно легче добиться в рамках командной экономики. Недоверие постсоветских людей к государству превращает в их глазах налог в оброк и оправдывает тем самым усилия по его минимизации. Недоверие постсоветских людей, уже значительное в период до кризиса 1998 г., после него приняло крайние формы. До кризиса только 9 % опрошенных считали, что государству можно доверять. Их число уменьшилось почти втрое, до 3,4 %, в 1999 г. (табл. 3)⁸. Каким бы низким не был уровень доверия пенитенциарной администрации (21,1 %), он существенно выше уровня доверия государственной администрации вообще! «Все предшествующие реформы в Советском Союзе были восприняты его гражданами как большая ложь. Единственным способом выхода из данного тупика было бы принятие на себя государством достоверных обязательств относительно политики реформ» [Boettke 1995, p. 253]. К сожалению, последние тенденции убеждают, что

⁸ Социологические опросы проводились группой исследователей в составе Е. Гвоздевой, А. Олейника, С. Патрушева, А. Хлопина в 1998 г. на выборке из 850 человек из 6 регионов и в 1999 г. на выборке из 1351 человек из 12 регионов России.

«Малое» общество: теоретическая модель...

Таблица 3 Уровень доверия к государству, %

Ответ	Россия, 1998 г.	Россия, 1999 г.	Россия, заключенные (конец 2000 г.)	Казахстан, заключенные (начало 2001 г.)
Выборка, чел.	850	1390	131	396
Да	9	3,4	6,9	15,9
Нет	89	94,1	87	77,3
Нет ответа	2	2,5	6,1	6,8

постсоветские люди продолжают видеть в действиях государства только «большую ложь». Государство по-прежнему игнорирует интересы своих граждан, и только его фискальные интересы обуславливают зависимость легальной власти от населения.

Во-вторых, негативная зависимость граждан от государства ставит их перед следующей дилеммой. С одной стороны, у них существует потребность в легальных механизмах для защиты собственных интересов. С другой стороны, недоверие государству делает призрачной надежду на легальную опору в повседневной жизни. Россияне относятся с большим скептицизмом к способности государства оказать поддержку в правовой организации повседневной жизни (табл. 4). Они чувствуют себя наименее защищенными законом именно в отношениях с государством.

Роль семьи и персонифицированных отношений

Невозможность опираться на закон как гарант исполнения окружающими людьми взятых на себя обязательств объясняет тот факт, что «коммунистическая система оставила двойное наследство: люди доверяют только "своим" и крайне недоверчиво относятся ко всем остальным» [Rose, Mishler, Haerpfper 1997, p. 10]. Центром группы «своих», ее «жестким ядром», является семья, играющая роль верховной ценности в постсоветском обществе. Семья как ядро доверительных отношений находится под защитой своеобразного «защитного пояса», отношений с друзьями и знакомыми. Отметим, что социальные связи имеют орбитальную структуру. В центре находится нуклеарная семья, далее — родственники, далее — друзья. Простые знакомые находятся на более «высоких» орбитах — на периферии локальной вселенной. «Потому как друзей выбирают на основе критерия доверия, советские люди предпочитают дружить с теми, кого они знают на протяжении очень длительного времени: с друзьями детства или, по крайней мере, с друзьями по школьной или университетской скамье» [Shlapentokh 1989, p. 177]. Как правило, коллеги по работе вращаются на удаленных от семьи орбитах, в лучшем случае они могут превращаться в хороших знакомых.

Орбитальная система создает предпосылки для сохранения недоверия в «космическом пространстве», т. е. во внешней среде семьи. Чем больше доверие концентрируется внутри орбит семейно-дружеских связей, тем слабее стимулы доверять «другим» людям, тем, кто находится за пределами орбитальной системы. «Люди, у которых мало друзей, обычно более предрасположены доверять и быстрее устанавливать новые контакты, чем те, у кого уже есть много альтернативных друзей» [Coleman 1990, p. 105]. Для вселенной семьи, этого «малого» общества, характерна тенденция к самодостаточности.

Таблица 4 Считаете ли Вы, что Ваша семья, ее члены могут рассчитывать на равную защиту со стороны закона?, %

Тип отношений	Да		Нет		Нет ответа	
	1998 г.	1999 г.	1998 г.	1999 г.	1998 г.	1999 г.
Внутри семьи	54	37	40	53	6	10
С другими людьми	40	28,4	56	63,9	4	7,7
С государством	22	10,1	73	84,4	4	5,5

Устойчивость и внутренняя стабильность вселенной семьи не исключают тенденции к ее экспансии в окружающее социальное пространство. Семья обустроивает, приватизирует враждебное пространство и превращает его в часть вселенной семьи. С одной стороны, семья стремится расширить сферу доверительных отношений, персонифицируя свои социальные, экономические и даже политические контакты (отсюда, например, феномен «президентская семья»). С другой стороны, в советском институциональном контексте персонифицированные отношения трансформируются в основное средство доступа к дефицитным ресурсам: достаточно иметь «своих» людей среди тех, кто распределяет дефицит. Из-за отсутствия четких и объективных, заранее известных критериев распределения (ведь все потребители *de jure* равны между собой) процедура распределения неизбежно приводит к персонификации отношений между тем, кто распределяет, и потребителем. «Бюрократическая система становится персонифицированной *de facto*» [Ledeneva 1998, p. 83]. И если потолок потребления в сегодняшней России более неактуален, привилегированный доступ к редким ресурсам по-прежнему всецело зависит от хороших отношений с государственными функционерами, особенно в рамках сектора экономики, основанной на эксплуатации природных ресурсов и/или поиске бюрократической ренты. Например, добыча углеводородов (газ, нефть), единственный надежный источник валютных поступлений, по-прежнему находится под жестким контролем, прямым (как в случае с Газпромом) или косвенным (как в случае формально независимой компании ЛУКОЙЛ), государства. «Деньги — все равно через государство текут. При администрации их куча. И заключать или не заключать договор с администрацией — это жить или не жить. Я это совершенно точно знаю. Я работал с администрацией, знаю, что движением руки все это делается. Большой дядька — это отдел здравоохранения, отдел образования и так далее. Это целая структура. Туда бешеные деньги идут ежемесячно. То есть, если я приближен к их кругам, то они и отдадут мне деньги, которые я могу оборачивать, если не приближен, — я сижу в ожидании в течение 5 месяцев этих денег. Вот и вся арифметика. То есть старые связи имеют значение. То есть, если у него раньше денег не было, а были связи и остались, это немаловажный фактор и прикрытие, значит, есть» (из интервью с 27-летним владельцем малого предприятия, г. Кемерово).

В. Шляпентох предложил использовать термин «приватизация публичного пространства» для описания тенденций к персонификации социально-экономических отношений. «Этот процесс роста важности той роли, которую играет семья в повседневной жизни... развивается в прямо противоположном тенден-

нуты, что могут быть разделены лишь в аналитических целях» [Levada 1993, p. 94]. В модели колхоза акцент делается на размывании «снизу» границ между частной и общественной жизнью. Речь идет о «приватизации» социального пространства и экспансии квазисемейных отношений на производственные. Модель шарашки отражает вмешательство «сверху» в сферу частной жизни. Особо отметим, что корни шарашки уходят в тюремный мир 1930-х годов. Этим термином называли «секретный исследовательский институт, в котором Комитет государственной безопасности организовывал и контролировал работу и исследования осужденных ученых и инженеров» [Росси 1991, с. 453]. Иными словами, в колхозе наблюдается экспансия в публичную сферу семейных отношений, тогда как в шарашке граница между частной и публичной жизнью разрушается «сверху».

Создание образа врага: история и современность

Абсентеизм государства в процессе позитивной организации повседневной жизни и биполярная модель социального пространства, разорванного между полюсами «своих» и «чужих», обуславливают особый способ управления насилием, характерный для постсоветской модели общества. Недоверие граждан к государству, равно как и отказ последнего помогать своим гражданам в организации повседневной жизни не позволяют полностью институционализировать насилие и обуславливают сохранение таких нецивилизованных методов управления насилием, как поиск «козлов отпущения». Если вернуться к описанию эволюции методов управления насилием, предложенных Р. Жираном, мы легко найдем в постсоветском обществе примеры первых трех этапов этого процесса: поиск жертвы-субститута, поиск «козлов отпущения» и поиск «приемлемой» жертвы.

Разделение людей на своих и чужих позволяет находить жертву-субститут и срывать накопленные негативные эмоции на «других», на «чужих». Например, человек, которого в первый и в последний раз видишь в метро, воспринимается именно как «чужой», что и позволяет его толкать, не извиняясь при этом. Обиходное выражение «сорвать свою злость на ком-то» как раз и подчеркивает, что злость, ненависть переносится на отношения с незнакомыми людьми. Обычно подобное перенесение даже не вызывает осуждения, настолько оно общепринято. Вообще говоря, в постсоветском контексте ненависть превращается в форму негативной социализации. «Ее функция заключается в том, чтобы дисквалифицировать потенциального партнера, превратить его во врага» [Levada 1993, p. 110], в потенциальную жертву насилия.

На макросоциальном уровне иностранцы играли в советском обществе роль идеальной жертвы-субститута. Во времена «железного занавеса», когда личные контакты с иностранцами были редкими и подвергались контролю, «в образе иностранца видели все те черты, которые не нравились в самих себе и от которых хотелось избавиться» [Levada 1993, p. 180]. Советское государство использовало эту «естественную» ненависть к иностранцам для упрочения негативного компромисса со своими гражданами. Оно сознательно культивировало страх перед иностранцами, их агрессивностью, дабы отвлечь внимание от действительных источников повседневных проблем, перенести его на воображаемые «источники зла».

Другой метод управления насилием, поиск «козлов отпущения», означает, что врагов ищут не вне, а внутри общества. Когда на иностранцев уже трудно

возложить ответственность за несчастья в повседневной жизни, начинается поиск «чужаков», которые на первый, обманчивый, взгляд принадлежат к числу «своих». «Задача умиротворения населения может подвигнуть государство на нахождение внутреннего врага» [Schmitt 1992, p. 86]. Советская история 1930-х годов особенно богата примерами поиска «козлов отпущения» и «оборотней». Список внутренних врагов, в частности, включал вредителей, кулаков, троцкистов, людей с немецкими фамилиями и т. д. Сегодняшняя Россия также богата примерами сознательного конструирования образа внутреннего врага. Две чеченские кампании 1990-х годов. (1994—1996 гг. и с 1999 г. по настоящее время) — тому подтверждение. Роль войны в Чечне (внутренней войны) в направлении потенциала повседневного насилия в безопасное для государства русло стала особенно явной в период второй кавказской кампании.

Двоемыслие

Два регистра повседневного поведения — отношения со «своими» и с «чужими» — лежат в основе ментальной конструкции, которую А. Хлопин называет двоемыслием. Под двоемыслием понимается «провозглашаемое публично уважение к идеалам и нормам, которые могут и не совпадать с внутренними убеждениями индивидов, а иногда и прямо противоречить последним» [Хлопин 1994, с. 51]. Внутренние убеждения постсоветских людей являются результатом их общения с теми, кто относится к числу «своих»: ведь только нижние слои семейной «атмосферы» пригодны для социальной жизни. Напротив, в верхних ее слоях социальная жизнь, а значит, и нормы, отсутствуют. Именно в рамках круга своих происходит в советском институциональном контексте социальная жизнь. «Мы не друзья, мы — больше. Мы — одно целое. Мы — это целый мир, со своими правилами, со своими законами, своими радостями и своими бедами» [Дубов 1999, с. 271]. Ментальность, формируемая «маленьким» обществом, распадается на две группы норм. Первая группа структурирует отношения со своими, вторая — со всеми остальными людьми.

Что касается отношений с остальными людьми, то советский человек не связан какими-либо обязательствами. Он волен делать все, что ему заблагорассудится, даже если другие и будет осуждать его поведение. Так как негативный характер компромисса с государством предполагает, что оно относится к числу чужих, то выполнение законов становится факультативным. Впрочем, неуважение законов никогда не принимает вызывающих форм, не превращается в бунт против навязанной власти. Двоемыслие формируется в результате двойного движения: с одной стороны, к отрицанию интересов и прав других, в том числе и государства, и, с другой стороны, к созданию видимости уважения этих интересов и прав. Всевластие государства, равно как и негативная зависимость от него, исключают открытое неповиновение. «Советский индивид способен найти "золотую середину" между двумя регистрами (прагматическим и идеологическим) поведения в экономической и политической сферах... В действительности подчинение решениям власти сводится к декларированию того, что она хочет слышать» [Shlapentokh 1989 p. 89, 96—97]. При этом удовлетворены обе стороны — государство получает видимое доказательство эффективности своего контроля, а индивид — свободу для маневра в повседневной жизни и право держать при себе свои собственные убеждения.

Жизнь в двух измерениях и интериоризация разорванного социального пространства оказали серьезное влияние на психику и внутреннее равновесие советского человека. Изучая статистику психических заболеваний в сельской местности, Л. Тимофеев открыл, что пик заболеваемости приходится на возраст 15—16 лет. Именно в этом возрасте особенно остро ощущается конфликт между идеологией и официальными установками, передаваемыми в школе, и моралью повседневной жизни [Тимофеев 1993, с. 64—65]. В советском селе было невозможно выжить без воровства колхозных кормов, зерна, картофеля. Низкий уровень официальной зарплаты и отсутствие рынка сырьевых продуктов не оставляли другого выбора перед хозяевами селянских хозяйств. В то же время официальная точка зрения, излагавшаяся в школе, предполагала осуждение и презрение несунув — расхитителей государственной и колхозной собственности. В романе А. Бека «Новое назначение» описывается другой пример психического заболевания в результате «стычки», конфликта официальных правил и внутренних убеждений [Бек 1988].

Выражаясь медицинским языком, жизнь в разорванном социальном пространстве и двоемыслие увеличивают риск шизофрении. В частности, это заболевание приводит к ослаблению эмпатических способностей индивида. Ему становится трудно воспринять точку зрения окружающих, особенно социально удаленных. «Учитывая, что больные шизофренией испытывают трудности с пониманием и реагированием на проблемы других людей... заболевание осложняет их социальные контакты и адекватное восприятие социальной реальности» [Елигулашвили 1983, с. 18, 23]. Болезнь придает разрыву в отношениях между своими и остальными людьми крайние формы. «Семейная сфера приобретает особую важность у шизофреников, тогда как дружеские отношения и особенно формальные социальные отношения отходят на второй план» [Хломов 1985, с. 17]. Таким образом, социальные разрывы и противоречия превращаются во внутренние конфликты и проблемы.

Постсоветский рынок: бизнес по «понятиям»⁹

Рынок как один из базовых институтов современного общества не существует сам по себе, он вписан в другие социально-экономические структуры или, если использовать термин М. Грановеттера, «встроен» (*embedded*) в них [Granovetter 1985]. Поэтому рынок, возникающий в постсоветском обществе, не может не иметь специфических черт, которые, как будет показано далее, связаны с наличием в его институциональной структуре элементов «малого» общества.

Начнем с того, что уровень доверия предпринимателей (25 %), оцененный на основе ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что людям можно доверять?»¹⁰, лишь незначительно выше уровня, зафиксированного в среде осужденных, и ниже среднего по России (около 35 %). Что же мешает предпринимателям доверять окружающим? Как и при анализе тюремного сообщества покажем обусловленность низкого уровня доверия спецификой властных отношений.

⁹ Используются материалы статьи «Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма» // Вопросы экономики. 2001. № 5.

¹⁰ Нами было опрошено в 1999 г. 174 предпринимателя из 7 регионов России.

«Малое» общество: теоретическая модель...

Согласованные отношения предполагают добровольное делегирование предпринимателем части своих прав государству в надежде на то, что государство сможет лучше ими распорядиться в его интересах. Хотя представители либерального направления в экономической мысли и доказывают, что чем меньше прав передают экономические агенты государству, тем лучше для них, сама необходимость делегирования части прав не ставится под сомнения даже либералами. О том, насколько согласованы властные отношения российских предпринимателей с государством, отчасти позволяют судить возникающие у них ассоциации со словом «закон» (табл. 5). Как видим, основные ассоциации связаны не с позитивной (они отмечены знаком +), а с ограничивающей (знак —) ролью государства в экономической деятельности.

Если закон не рассматривается предпринимателями в качестве гарантии выполнения партнерами своих обязательств, то такой гарантией служат личная репутация и семейно-родственные отношения. Партнерами в бизнесе, как правило, становятся либо хорошо известные на протяжении длительного периода люди, либо те, с кем бизнесмена связывают семейно-родственные отношения. Иными словами, как и в тюремном сообществе, из-за рассогласованного характера легальной власти, доверие в предпринимательской среде существует лишь в максимально персонифицированной форме. Российские предприниматели доверяют не структурами, а конкретным людям. «По большей части в бизнесе я предпочитаю иметь дело с друзьями... Потому что это специфика России — на самом деле имеешь дело не с какой-то организацией, не с каким-то банком, а с какими-то людьми. И не важно на самом деле, по большому счету, какой банк — хороший или плохой, но если у тебя на хорошем уровне есть друг или знакомый, которому ты доверяешь, и он гарантирует, что возврат произойдет или какая-то сделка состоится, то это действительно состоится. Практика показала, что это правильный подход, потому что были крупные банки, "Инкомбанк" там, "Российский кредит", "СБС-АГРО", которые, казалось, монстры и все могут, но вот они никому ничего не вернули и все. Мы работаем, скажем, именно с персоналиями и с банками, в которых мы лично знаем ведущих людей, и вот мы ничего не потеряли... Мы строим свой бизнес на работе с людьми, с персоналиями. Именно в этом, я считаю, правильный подход» (из интервью с 35-летним руководителем подразделения в крупном банке, г. Москва).

Однако персонифицированное доверие не является неисчерпаемым ресурсом. Во-первых, размах дружеских и семейно-родственных связей всегда ограничен, а их установление связано со значительными издержками. Во-вторых, логика дружеских и семейно-родственных связей зачастую вступает в конфликт с логикой максимизации прибыли. Выражаясь языком экономики соглашений, традиционный тип поведения, лежащий в основе внутрисемейных отношений, несовместим с рыночными правилами игры. Высказывания наших собеседников подтверждают вариантный, подчас конфликтный, характер коммерческих отношений с родственниками и друзьями. «Особенно когда друг, он считает почему-то, что это норма, что он берет, но не отдает. Он говорит: "Да, мы же друзья, да ладно, ты потерпи, подожди"» (из интервью с 39-летним руководителем фирмы в области телекоммуникаций, г. Чита).

Впрочем, основное противоречие российского капитализма как раз в том и заключается, что заниматься бизнесом, особенно на начальных этапах, без

«Малое» общество: теоретическая модель...

Согласованные отношения предполагают добровольное делегирование предпринимателем части своих прав государству в надежде на то, что государство сможет лучше ими распорядиться в его интересах. Хотя представители либерального направления в экономической мысли и доказывают, что чем меньше прав передают экономические агенты государству, тем лучше для них, сама необходимость делегирования части прав не ставится под сомнения даже либералами. О том, насколько согласованы властные отношения российских предпринимателей с государством, отчасти позволяют судить возникающие у них ассоциации со словом «закон» (табл. 5). Как видим, основные ассоциации связаны не с позитивной (они отмечены знаком +), а с ограничивающей (знак —) ролью государства в экономической деятельности.

Если закон не рассматривается предпринимателями в качестве гарантии выполнения партнерами своих обязательств, то такой гарантией служат личная репутация и семейно-родственные отношения. Партнерами в бизнесе, как правило, становятся либо хорошо известные на протяжении длительного периода люди, либо те, с кем бизнесмена связывают семейно-родственные отношения. Иными словами, как и в тюремном сообществе, из-за рассогласованного характера легальной власти, доверие в предпринимательской среде существует лишь в максимально персонифицированной форме. Российские предприниматели доверяют не структурами, а конкретным людям. «По большей части в бизнесе я предпочитаю иметь дело с друзьями... Потому что это специфика России — на самом деле имеешь дело не с какой-то организацией, не с каким-то банком, а с какими-то людьми. И не важно на самом деле, по большому счету, какой банк — хороший или плохой, но если у тебя на хорошем уровне есть друг или знакомый, которому ты доверяешь, и он гарантирует, что возврат произойдет или какая-то сделка состоится, то это действительно состоится. Практика показала, что это правильный подход, потому что были крупные банки, "Инкомбанк" там, "Российский кредит", "СБС-АГРО", которые, казалось, монстры и все могут, но вот они никому ничего не вернули и все. Мы работаем, скажем, именно с персоналиями и с банками, в которых мы лично знаем ведущих людей, и вот мы ничего не потеряли... Мы строим свой бизнес на работе с людьми, с персоналиями. Именно в этом, я считаю, правильный подход» (из интервью с 35-летним руководителем подразделения в крупном банке, г. Москва).

Однако персонифицированное доверие не является неисчерпаемым ресурсом. Во-первых, размах дружеских и семейно-родственных связей всегда ограничен, а их установление связано со значительными издержками. Во-вторых, логика дружеских и семейно-родственных связей зачастую вступает в конфликт с логикой максимизации прибыли. Выражаясь языком экономики соглашений, традиционный тип поведения, лежащий в основе внутрисемейных отношений, несовместим с рыночными правилами игры. Высказывания наших собеседников подтверждают вариантный, подчас конфликтный, характер коммерческих отношений с родственниками и друзьями. «Особенно когда друг, он считает почему-то, что это норма, что он берет, но не отдает. Он говорит: "Да, мы же друзья, да ладно, ты потерпи, подожди"» (из интервью с 39-летним руководителем фирмы в области телекоммуникаций, г. Чита).

Впрочем, основное противоречие российского капитализма как раз в том и заключается, что заниматься бизнесом, особенно на начальных этапах, без

Таблица 5 Если исходить из Вашего опыта, то какую ассоциацию вызывает у Вас слово «закон»? , %

Вынужденное ограничение	—	34
Запрет властей	—	28
Инструмент в чьих-то руках	—	28
Обязанность граждан	—	21
Гарантия	+	12
Добровольное обязательство	+	10
Справедливость	+	4
Правило, принятое большинством граждан	+	1

поддержки друзей и родственников нельзя. Рядом должны находиться люди, которым можно доверять и на которых можно положиться. Но по мере расширения бизнеса обязательства, накладываемые дружбой и родственными узами, становятся слишком узкими для максимизации личной выгоды, основной целевой функции рыночного агента.

Анализ диалектики доверия и недоверия в среде российских предпринимателей делает рельефным деление на «своих» и «чужих», а также подчеркивает многообразие форм, которые оно принимает. Несмотря на низкий уровень доверия к людям вообще, подавляющее большинство (71 %) опрошенных российских предпринимателей доверяют *конкретным* партнерам по бизнесу. На чем основывается это доверие? Во-первых, на привлечении в бизнес родственников, которое в той или иной форме практикуют 45 % ответивших предпринимателей (в том числе 25 % в качестве партнеров). Во-вторых, на превращении друзей в партнеров по бизнесу. У двух третей наших респондентов были случаи, когда друзья становились партнерами. В-третьих, факт принадлежности к кругу руководителей, сложившемуся еще в советский период (иногда его членов называют «красными директорами»), требует от них выполнения особых этических норм, снижающих оппортунизм внутри этого круга. Несмотря на то что особую значимость «директорская этика» приобрела в первой половине 1990-х годов [Долгопятова, Евсеева 1994], она по-прежнему играет важную роль в некоторых сегментах российского рынка. «У нас есть, к примеру, завод X, директора которого я очень хорошо знаю, ну и ряд других предприятий, с которыми мы тесно сотрудничаем и на определенном промежутке времени, несмотря на тяжелую производственную ситуацию, мы работали с ними и на слове, и на деле. Мы им поставляли свое литье ради того, чтобы этот завод работал...» (из интервью с 60-летним руководителем крупного металлургического предприятия, г. Брянск).

Наконец, «своим» может стать предприниматель, с которым не обязательно связывают дружеские или родственные отношения, но который работает в том же сегменте рынка, не являясь при этом прямым конкурентом. Иначе говоря, речь идет о «ближнем» в экономическом смысле этого слова. Чаще всего «ближние» и формируют круг общения предпринимателя, выступая основным источником информации о ситуации на рынке и о благонадежности потенциальных

«Малое» общество: теоретическая модель...

партнеров. В свою очередь, по отношению к ним возникают определенные обязательства. В ходе наших интервью несколько собеседников спонтанно упоминали в этой связи принцип «не гадь там, где ешь», наиболее четко, хотя и грубо, иллюстрирующий идею ограничения оппортунистического поведения по отношению к ближнему. «Вот вообще-то мой круг общения значительно менялся с тем, каким бизнесом я занимался, и друзья тоже. <...> Нельзя гадить там, где ешь. Это единственное непреложное правило. Те, у кого на этот счет другое мнение, просто идут в криминал или вылетают через год-два. С таким просто никто не работает» (из интервью с 40-летним торговцем импортной мебелью, г. Москва).

Если обратиться к анализу структуры нормы «не гадь там, где ешь», то не трудно заметить, что ее атрибутом (группой, на которую распространяется норма) является круг близких как в социальном, так и в экономическом плане людей. Что же касается всех тех, кто не входит в этот круг, «чужих», то по отношению к ним неявным образом допускается любое поведение, в том числе и оппортунистическое. Хотя в явном виде разрешения на игнорирование интересов «чужих» в норме, активно используемой российскими предпринимателями, и нет, их высказывания свидетельствуют именно об игнорировании интересов «чужаков». Налицо тот самый дуализм норм, с которым мы уже сталкивались в тюремной среде. Более того, идея насилия по отношению к «чужим» оказывается вполне приемлемой, тогда как среди «своих» насилие исключено. К «чужим» относятся конкуренты, случайные, непостоянные партнеры (особенно из других регионов), иногда — иностранные партнеры. «Ты там можешь на выезде кого угодно как угодно кидать, но если ты кинешь своего соседа по торговле — из соседнего магазина, или просто знакомого — все, считай, что жизнь свою в Москве ты закончил» (из интервью с 35-летним владельцем магазина в торговом центре, г. Москва).

Таким образом, универсальных норм, за выполнением которых следит согласованное, или контрактное, государство, в российской модели капитализма просто нет. Отсутствие в России универсальных «правил игры» на рынке и власти, которая следила бы за их выполнением, делает проблематичным решение возникающих между сетями трений и конфликтов. Конфликты в такой ситуации неизбежны, ибо оппортунизм позволителен именно в сделках с «чужими». Государству плохо удается придать насилию, стимулы к которому постоянно возникают из-за уместности оппортунизма с точки зрения неформальных норм, строго институциональный характер. Точнее, огромный потенциал насилия, которым обладает государство, используется не для стимулирования выполнения контрактных обязательств (в частности, между «своими» и «чужими»), а в других целях. «Любые нарушения через суд решаются очень медленно и даже в тех случаях, когда суд выносит приговор, что сторона должна возместить ущерб, у суда очень мало возможности заставить нерадивую сторону выполнить его решения» (из интервью с 40-летним руководителем крупной фирмой, специализирующейся на системах кондиционирования воздуха, г. Москва).

Неэффективность усилий государства по институционализации насилия в экономической сфере обуславливает поиск субъектами российского рынка субститутов государству. В качестве таких субститутов, т. е. регулирующих насилие

институтов, рассматриваются криминальная «крыша», собственные службы безопасности фирм и использование государства для защиты интересов фирмы на коммерческих основаниях (государственная «крыша»). Что касается криминальной «крыши», то здесь тюремный мир и сфера бизнеса соприкасаются напрямую. Судейские функции в коммерческих спорах иногда выполняют «воры в законе» и «смотрящие». «Я не к тому, что без насилия никаких денег обратно не получишь, но тебя иногда отошьют в последнюю очередь и жди, пока они там за газ за 5 лет рассчитаются, а потом и тебе начнут платить...» (из интервью с 40-летним руководителем крупного АПК, г. Брянск).

Особый интерес представляют попытки «приватизации» государства, т. е. приобретения предоставляемых государством услуг по защите прав собственности на основе прямого или косвенного подкупа отдельных чиновников или целых государственных структур. Наш опрос показал, что наличие «связей» с государственными чиновниками стало одним из наиболее характерных атрибутов российского бизнеса: 38 % ответивших на вопрос анкеты предпринимателей видят в этом важную характеристику легального бизнеса (вторая по частоте упоминания альтернатива из 13), 40 % — «теневого» бизнеса (пятая), 54 % — криминального бизнеса (вторая). Причем не обязательно речь идет о простом подкупе, возможны варианты «патронажа» силовых государственных структур над отдельными предприятиями, «альянса интересов» и т. д. Но какой бы ни была форма этих взаимоотношений, все строится на разделении государством всей совокупности получателей его услуг на «своих» (особенно приближенные фирмы) и «чужих» (все остальные, интересы которых эффективно защищать не обязательно). Получается, что даже государство может жить не по закону, а по «понятиям». Приближенные к власти предприниматели (в публицистических статьях их часто называют олигархами) вопреки распространенному мнению существуют не только на федеральном уровне, но и на региональном, даже на локальном уровне. Размеры бизнеса и характеристика контролируемых ими рынков определяются уровнем власти, для которой предприниматель является «своим». Власть каждого города, области, региона имеют собственных олигархов.

Превращение государства в институт, воспроизводящий логику дуальных норм, позволяет по-новому взглянуть на последние тенденции к монополизации насилия государством. Начало этого процесса следует отнести к концу 1990-х годов, в последние годы он приобрел особенно явную форму. Процесс монополизации насилия государством, рассматриваемый с позиций и классической политической науки, и неоклассической экономической теории, можно только приветствовать. По мнению политологов, образование территориальных монополий силы способствует прекращению постоянного сравнения потенциала насилия, которым обладают различные социально-экономические группы (в нашем случае — различные «крыши» и службы безопасности) [Волков 1999, с. 45—49]. Для экономиста переход государства от модели «бандита-гастролера» к модели «оседлого бандита» означает изменение системы стимулов. С переходом к оседлости дань, которой облагаются экономические субъекты, начинает устанавливаться исходя из соображений долго-, а не краткосрочной выгоды [Olson 1993]. Однако и экономисты, и политологи обычно не уделяют особого внимания ответу на вопрос, *каким* государством монополизировается насилие, *согласно каким «правилам игры»* действует обладатель легальной монополии на применение насилия.

Как свидетельствуют высказывания наших собеседников, отношения их фирм с государственными силовыми и правоохранительными структурами вполне укладываются в логику взаимоотношений с «крышей», т. е. главное — стать «своим» для государства. Большой потенциал насилия — вот единственное, что отличает государственную «крышу» от криминальной. «Прав тот, у кого круче крыша».

Академическая среда как «малый» мир¹¹

Если гипотеза о принадлежности постсоветской академической и университетского мира к типу «малых» обществ не столь удивительна ввиду его вписанности в постсоветскую институциональную среду, то мысль об отсутствии существенных отличий в организации науки в России и на Западе вызывает большие сомнения. Тем не менее, как будет показано ниже, и в России, и на Западе неспособность ученых обеспечить верховенство закона в своей профессиональной жизни приводит к аналогичному результату — к воспроизводству «малого» общества.

Общепризнанно, что насилие становится одной из самых острых проблем современных западных обществ и фактором их превращения в «общества риска» (*risk society*). Парадоксально, но источниками насилия иногда становятся и выходцы из науки. В период с 1978 по 1995 г. правоохранительные органы США безуспешно пытались вычислить так называемого Унабомбера (Unabomber), отправителя в общей сложности 16 начиненных взрывчаткой посылок, от которых погибли три и получили ранения 23 человека. Террорист был найден лишь с помощью анализа стиля его манифеста, содержавшего критику науки, технологии и прогресса в целом с анархических позиций. Им оказался Т. Кашински (Theodore J. Kaczynski), бывший профессор математики Университета Калифорнии в Беркли. Человек, совершивший в августе 1992 г. самое массовое в истории Канады убийство, — бывший эмигрант из СССР физик В. Фабрикант. Его жертвами стали коллеги по кафедре Университета Конкордия в Монреале [*Beauregard* 1999]. Этот список далеко не исчерпывающ: подозреваемый в рассылке писем со спорами сибирской язвы после террористических актов 11 сентября 2001 г. в США, С. Хэтфил (Steven Hatfill) работал в одной из научно-исследовательских бактериологических лабораторий, а убитый весной 2002 г. лидер крайне правой партии в Нидерландах П. Фортейн (Pim Fortuyn) до прихода в политику преподавал социологию в университете. Отдельные выходцы из университетской среды представляют собой реальную угрозу обществу, а уровень их подготовки делает их действия особенно опасными.

Стремление взглянуть внутрь научной среды продиктовано не только негативными соображениями. Нельзя отрицать ту роль, которую наука играет в обеспечении социально-экономического прогресса. Однако чаще всего вклад науки в социально-экономическое развитие считают экзогенным, заданным извне. Институциональная экономика выбивается здесь из общего ряда, так как именно ее представитель Д. Норт впервые не только увязал революционные измене-

¹¹ При написании настоящего материала без специальной ссылки использованы материалы статьи «В заточении в башне из (к вопросу об институциональной организации науки)» // Вопросы экономики. 2002. № 9.

ния в развитии производительных сил с научными открытиями, но и показал обусловленность самих научных открытий изменениями в законах и государственной политике. «Организационные изменения... позволили радикально сократить издержки инноваций, в то время как расширение рынков и лучшая спецификация прав собственности на изобретения увеличили отдачу от инноваций» [North 1981, p. 159]. Иначе говоря, изменения в организации научных исследований первичны, а экономический рост — вторичен.

Российские законы пока далеки от тех, что были описаны Нортон в качестве предпосылок индустриальной революции. Фактически действует всего два закона, регламентирующие взаимоотношения между субъектами инновационного процесса: Закон РФ №110-ФЗ «Об авторском праве и смежных правах» от 9 июля 1993 г. (с изменениями от 19 июля 1995 г.) и Закон №2213-1 «Об изобретениях в СССР» от 31 мая 1991 г., принятый еще в советский период. Закон об авторском праве значительное внимание уделяет защите интересов авторов художественных и музыкальных произведений (хотя доля «пиратской» продукции на рынке по-прежнему высока, но это уже вопрос неэффективности механизма правоприменения), оставляя на периферии проблемы авторства в научной сфере. «Авторское право не распространяется на идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты» (Ст. 6⁴). Следовательно, закон не предусматривает возникновения имущественных прав на практическую реализацию научных открытий, сводя все к вознаграждению за распространение идей на печатных или иных носителях (Ст. 16²). Что же касается закона об изобретениях, то он распространяется лишь на «технически применимые» открытия (Ст. 1¹).

Впрочем, проблемы научной среды не ограничиваются неадекватностью юридических рамок, в которых она существует, стоящим перед нею задачам. Возможно, трудности связаны еще и с неформальными «правилами игры», принятыми в науке. Важное преимущество институционального подхода заключается в том, что он позволяет учитывать и неформальные рамки человеческой деятельности, в том числе и научной. «Институты включают в себя как формальные правила и неформальные ограничения (общепризнанные нормы поведения, достигнутые соглашения, внутренние ограничения деятельности), так и определенные характеристики к выполнению тех и других» [Норт 1997, с. 7]. В отличие от формальных рамок научной деятельности ее неформальные ограничения до сих пор не стали объектом пристального изучения и рефлексии.

Учитывая скудность законов, можно предположить, что именно неформальные нормы и являются основными регуляторами поведения ученых. Ситуация с выбором кандидатов на должность профессора служит хорошей иллюстрацией. Оказывается, что при выборе себе новых коллег, профессора ориентируются не столько на квалификацию и знания кандидатов «со стороны», сколько на уже установленные неформальные контакты с теми, кто им лично хорошо известен. Профессор социологии Университета Колумбия признает, что «говоря о моем собственном опыте... кандидатами с наибольшими шансами на успех являются те, у кого есть сильное личное лобби в процессе принятия решения» [Burt 1992, p. 63]. А ведь если верить предсказаниям экономической теории, высокие гарантии собственной занятости позволяют профессорам выбирать именно лучших кандидатов, которые в любом случае не будут конкурировать с

«Малое» общество: теоретическая модель...

уже имеющими *faculty position* лицами [Dasgupta, David 1994]. Проблема моделей *main-stream economics*, видимо, именно в недооценке неформальных ограничений.

Несмотря на все отличия в формальных рамках научной деятельности в постсоветской России и на Западе, университетская и академическая среда и в первом, и во втором случае подчинена главным образом неформальным нормам. Достаточно посмотреть на практику деятельности уполномоченного по защите прав человека (*ombudsman*) в любом западном университете, чтобы убедиться в ее крайней удаленности от собственно учебного и исследовательского процессов. Вопросы, решаемые уполномоченным, касаются преимущественно *околонаучных* проблем, таких, как сексуальные домогательства. Возможно, нежелание ученых полностью войти в «правовое поле», несмотря на связанные с этим потенциальные выгоды от лучшей спецификации прав собственности на интеллектуальные продукты, имеет исторические корни — традиции автономных и независимых от государства университетов. Как бы то ни было, тезис о высокой степени неформальности взаимодействий в научной среде представляется эмпирически неопровержимым.

Какие стимулы обуславливает институциональная среда, сконструированная преимущественно из неформальных ограничений? Неформальные нормы по определению носят локальный характер, ибо выполнение их предписаний основано на социальных санкциях, таких как личная репутация. Не случайно столь большое внимание уделяется деятелями науки «созданию себе имени». Отсюда утверждение о том, что универсальные, общепринятые нормы в научной среде почти отсутствуют. Все зависит от того, где, кем и когда проводится исследование, или же кем, где и когда был прочитан даже так называемый стандартный курс.

Институциональная среда, состоящая из неформальных ограничений, способствует становлению особых управленческих структур, сетей. Напомним, что с институциональной точки зрения управленческие структуры — государство, рынок, фирма, «отношенческая контрактация» — производны от институциональной среды. Так, институциональная среда с низким уровнем институционального доверия (его измеряют на основе ответов на вопрос о доверии государству и другим формальным структурам), но высоким межличностным *персогнифицированным* доверием благоприятна для развития различных «гибридных» структур, в том числе и сетей. Университеты и их подразделения, являющиеся условным аналогом фирм, равно как и ученые, ведущие самостоятельные исследования — условный аналог рынка, оказываются менее приспособленными к специфике рассматриваемой институциональной среды. Наиболее значимые решения принимаются на уровне групп лично знакомых ученых, а также круга людей, к ним тяготеющих. Жизнь этих групп становится более важной для понимания научных процессов, чем официальная повестка дня университета, кафедры, лаборатории. Основные научные дискуссии происходят, если они происходят вообще, на уровне этих «фрагментов», «осколков» единого научного пространства, в условиях личного знакомства и личной зависимости между участниками взаимодействий. Таким образом, наблюдается параллельное снижение роли как отдельной личности, Ученого с большой буквы, так и университета как сообщества единомышленников, создающего для облегчения своего существования рациональную бюрократию.

Отдельная личность, участвуя в сети, получает доступ к разнообразным ресурсам, значимым в научном мире, но в обмен соглашается с приоритетом интересов сети в целом над ее частными интересами, в первую очередь научными. Становится не важным, веришь ли ты сам в то, что преподаешь и о чем пишешь. Главное, чтобы это отвечало ожиданиям остальных членов сети. «Сетевой» ученый из ауктора (*auctor*), того, кто читает источник для совершенствования знаний и использования полученной информации в последующих открытиях, превращается в лектора (*lector*), простого комментатора текстов [Bourdieu 1996, p. 14]. Научные дискуссии трансформируются в ритуал, пустую формальность: ведь всем известна правильная точка зрения, та, что соответствует неформальным правилам, принятым в сети. А контакты и, следовательно, дискуссии между сетями редки и малопродуктивны ввиду отсутствия общего языка, который мог бы структурировать дебаты и сделать их плодотворными. Отсюда закономерное снижение роли университета — эта управленческая структура по сути превращается в простой механизм распределения финансирования, особенно скудного в постсоветском случае. Все основные вопросы, связанные с научной деятельностью, в том числе и с целевым финансированием исследований, постепенно выходят из сферы компетенции этой централизованной «научной фирмы».

Описываемые тенденции предопределяют превращение науки в апологетику. Самодостаточный характер научных школ существенно затрудняет установление общих правил игры в научной деятельности. В частности, это касается нахождения универсальных, приемлемых для всех сетей критериев истины. Если общепризнанного авторитета в науке нет, то естественно стремление ученых апеллировать к авторитету внеаучному как гаранту защиты и утверждения своей сетевой правды. При этом сетевая логика безжалостно превращает ученых в апологетов тех, в чьих руках на данный момент находится внеаучная власть, и сторонников политической экономии социализма, и адептов неоклассической теории, и всех остальных прошлых и будущих «сетевых ученых».

Локализация научной жизни в рамках сетей и усиление тенденций к конформизму снижают стимулы собственно к новациям и открытиям. Открытия всегда происходят на стыке различных парадигм и наук, следовательно, «фрагментация» научного пространства прежде всего приводит к дефициту новаций. На первый взгляд, ситуация, сложившаяся в 1990-х годах в постсоветской экономической науке, была максимально благоприятной для появления новых подходов: прежняя доминирующая парадигма (ортодоксальный марксизм) была помимо воли своих сторонников поставлена перед необходимостью отражения экспансии новой доминирующей парадигмы, неоклассической экономической теории. Однако результаты битвы «двух титанов» оказались разочаровывающими. Все свелось к образованию (точнее, реструктурированию) двух типов сетей: с одной стороны, ориентированных на прежние подходы, с другой стороны, провозглашающих себя адептами новой теории. Собственно, битвы и не получилось, все ограничилось локальными столкновениями между сетями даже не за принципы, а за материальные и административные ресурсы. В этих столкновениях, как правило, победу одерживали сети последнего типа, ибо имели возможность обращаться к зарубежным источникам финансирования. В отсутствие ширококомасштабных дискуссий один вариант научного конформизма

«Малое» общество: теоретическая модель...

просто сменился другим, а постсоветская экономическая наука осталась на периферии экономической теории в целом [Олейник 1999; Нуреев, Лотов 2000].

Благополучие, прежде всего материальное, отдельных сетей позволяет думать о реальности построения лучшего научного сообщества в рамках отдельно взятой кафедры, центра, университета (не обязательно оно распространяется на всех их членов, скорее оно гарантировано лишь членам сетей внутри кафедр, центров, университета). Например, уровень оплаты профессора в двух соседних постсоветских университетах может отличаться в десятки раз (если один участвует в традиционной сети, а второй — в прогрессивной, т. е. ориентированной в интеллектуальном и материальном плане на Запад). Однако так ли демократичны даже самые благополучные сети, так ли комфортна повседневная жизнь их участников?

Невозможность апеллирования к универсальным нормам научной жизни делает членов научных сетей чрезвычайно зависимыми друг от друга. Все гарантии соблюдения взаимных прав и обязанностей имеют ярко выраженную личностную окраску. Ученый свободен в той мере, в какой он предан людям, входящих в его сеть. Отсюда — прямая дорога к «неограниченности коллективных прав над судьбой человека» [Хлопин 1997, с. 12]. Причем психологически комфортно в сетевом мире чувствуют себя лишь люди, чьи индивидуальные интересы в науке полностью совпадают с теми, которые значимы для сети в целом. Малейшее расхождение порождает риск серьезного кризиса, ибо инакомыслие в сети всегда связано с подозрениями относительно неполной к ней лояльности. Отсутствие диалога, способного развеять сомнения, приводит к росту психологических издержек тех членов сети, которые вынуждены прибегать к двоемыслию и держать свои сомнения в глубине души. Саморазрушение «внутренних диссидентов» — лишь одна из форм насилия, генерируемого сетью. Другая форма касается взаимоотношений между членами разных сетей, между «своими» и «чужими». Отсутствие универсальных норм означает, что по отношению к «чужому» позволено все, так как личностные гарантии соблюдения прав в случае с «чужаком» не действуют. Лишь со стороны может показаться, что в научной среде исключено насилие. «Избыток насилия объясняет стремление избавиться в полемике, наполненной академической ненавистью, от любого *внешнего* проявления насилия» [Bourdieu 1984, p. 39]. Символическое, наиболее изысканное, насилие доставляет особое удовольствие для истинных ценителей жестокости. Сказанное не исключает возможности периодического превращения символического насилия в физическое. Так произошло, к примеру, в упомянутом выше случае В. Фабриканта — отказ коллег признать его «своим» спровоцировал с его стороны переход к насилию в максимально жестокой форме.

Заключительные замечания

Анализ четырех случаев (тюремное сообщество, постсоветское общество, рынок и академическая среда) убеждает в плодотворности дальнейших, поисков по совершенствованию модели «малого» общества. Она оказывается применимой как для исследования постсоветской специфики, так и для осуществления межстрановых сравнений. Впрочем, модель универсальна лишь в той мере,

в какой речь идет о навязанных властных отношениях, которые и следует считать основной причиной существования «малого» общества. Для описания случаев властных отношений, близких по своей природе к *authority*, требуется разработка иных категорий и подходов.

Сформулированный нами подход является лишь первым шагом в диалектическом снятии противоречия между универсальными и специфичными (*country-specific*) моделями в социальных науках. Возможно, дальнейшие поиски компромиссов между двумя исследовательскими программами пойдут и иным, чем это предложено в настоящем тексте, путем. Но хочется верить, что сам поиск компромисса возможен, а значит, возможны и плодотворные, не ограничивающиеся поверхностными наблюдениями, межстрановые сравнения. Если же разумная комбинация универсализма и партикуляризма не будет найдена, вначале в науке, а затем и на практике, то набирающие сегодня ход процессы глобализации рискуют полностью выйти из-под контроля людей и превратиться в исключительно деструктивную силу. Пример постсоветских реформ, изначально ориентированных лишь на универсальные модели, служит тому доказательством. Иными словами, поиск «третьего пути» между универсализмом и партикуляризмом представляет собой не только теоретический вызов, но и актуальную практическую задачу, заключающуюся в стремлении использовать позитивный потенциал, который несет в себе глобализация.

Литература

- Ахиезер А.С. Россия. Критика исторического опыта. М: Философское общество СССР, 1991.
- Бек А. Новое назначение. Кишинев: Картя Молдавянскэ, 1988.
- Волков В. Политэкономика насилия, экономический рост и консолидация государства // Вопросы экономики. 1999. № 10.
- Гайгер Л. Макроэкономическая теория и переходная экономика, М: Инфра М, 1996.
- Гуров А. Красная мафия. М.: Самоцвет, 1995.
- Долгопятова Т., Евсеева И. Экономическое поведение промышленных предприятий в переходной экономике // Вопросы экономики. 1994. № 8.
- Дубов Ю. Большая пайка. М: Вагриус, 1999.
- Елигулашвили Е. Роль общения в процессе взаимодействия личности и реальности, Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. псих. наук, Тбилиси: Институт психологии им. Узнадзе, 1983.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Изд-во полит. лит., 1984.
- Кирдина СП Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
- НортД. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.
- НуреевР., Латов Ю. Плоды просвещения (новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия) // Вопросы экономики. 2000. № 1.
- Олейник А.Н. Российская экономическая наука: история значима (об учебнике «Экономика» под редакцией А. Архипова, А. Нестеренко, А. Большакова) // Вопросы экономики. 1999. № 1.
- Олейник А.Н. Институциональная экономика, М: Инфра М, 2002.
- Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений: Официальный текст. М., 1997.
- Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М: Центр политических технологий, 1998.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М: Просвет, 1991.

«Малое» общество: теоретическая модель...

- Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в ложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10.
- Тимофеев Л.* Черный рынок как политическая система. Вильнюс; М.: ВИМО, 1993.
- Хломов Д.* Особенности восприятия межличностных взаимодействий больными шизофренией: Автореф. дис.... канд. псих. наук. М.: Изд-во МГУ, 1985.
- Хлопин А.Д.* Феномен двоемыслия: Запад и Россия (особенности ролевого поведения) // Обществ. науки и современность. 1994. № 3.
- Хлопин А. Д.* Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Политая: Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». 1997. № 1 (3).
- Чеканский А.* Спрос и предложение: особые формы взаимосвязи // Теория переходной экономики. Микроэкономика. М.: Теис, 1997.
- Шаламов В.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Художественная литература, Вагриус, 1998.
- Шкаратан О. И.* Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. № 2.
- Aoki M.* Economie Japonaise. Information, Motivations et Marchandage. Paris: Economica, 1991.
- Arlacchi P.* Mafia et compagnies. L'ÿthique manosa et l'esprit du capitalisme. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1986. .
- Beauregard M.* La folie de Valery Fabrikant. Une analyse sociologique. Paris, Montreal: L'Harmattan, 1999.
- Berelowitch A., Wieviorka M.* Les Russes d'en bas. Enquete sur la Russie post-communiste. Paris: Ed. du Seuil, 1996.
- Bettelheim B.* Le poids d'une vie. Essais-souvenirs. Paris: Robert Laffont, 1991.
- Boetke P.J.* Credibility, Commitment and Soviet Economic Reform, in Economic Transition in Eastern Europe and Russia: Realities of Reform / Ed. by E. Lazear Stanford: Hoover Institution Press, 1995.
- Boltanski L., Thÿvenot L.* De la justification. Les ÿconomies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991.
- Boltanski L., Chiapello E.* Le nouvel esprit du capitalisme. Paris: Gallimard, 1999.
- Bourdieu P.* Homo Academicus. Paris: Ed. De Minuit, 1984.
- Bourdieu P.* Qu'est-ce que faire parler un auteur? // Sociÿtÿs et reprÿsentations. 1996. Vol. 3, numÿro spÿcial: Michel Foucault Surveiller et Punir — la prison vingt ans apres, 1996.
- Burt R.* The Social Structure of Competition / Ed. by Nohria N., Eccles R., Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Boston, MA: Harvard Business School Press, 1992.
- Cesoni M.-L.* Dÿveloppement du Mezzogiorno et criminalitÿs. La consolidation ÿconomique des rÿseaux camoristes, Thÿse de doctorat: sociologie: Paris, l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1995.
- Chauvenet A., Orlic F., Benguigui G.* Le monde des surveillants de prison. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.
- Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
- Crawford S., Ostrom E.* A Grammar of Institutions // American Political Science Review. September. 1995. Vol. 89.
- Cusson M.* Dÿlinquants pourquoi? Paris: Arman Colin, 1981.
- Dasgupta P., David P.* Toward a New Economies of Science // Research Policy. 1994. Vol. 23.
- Durand X* La vie quotidienne des prisonniers de guerre dans les stalags, les oflags et les kommandos 1939—1945. Paris: Hachette, 1987.
- Ensminger J.* Making a Market. The Institutional Transformation of an African Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Friedman M.* Essays in Positive Economics. Chicago: The University of Chicago Press, 1953.
- Furukawa T., Sarason I., Sarason B.* Social Support and Adjustment to a Novel Social Environment // International Journal of Social Psychiatry. 1998. Vol. 44.
- Gambetta D.* The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection, Cambridge: Harvard University Press, 1993.
- Girard R.* La violence et le sacrÿt. Paris: Bernard Grasset, 1972.
- Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. November. 1985. Vol. 91.

- Hoggart R.* La culture du pauvre. Etude sur la style de vie des classes populaires en Angleterre, Paris: Ed. de Minuit, 1970.
- Kornai J.* The Socialist System. The Political Economy of Communism. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Lafaye C, Thüvenot L.* Une justification écologiquе? Conflits dans l'aménagement de la nature // Revue Française de Sociologie, mars. 1993. Vol. XXXIV.
- Ledeneva A. V.* Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Levada Y.* Entre passé et l'avenir. L'homme soviétique ordinaire. Enquête. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1993.
- Lodge D.* Small World. An Academic Romance. London: Penguin Books, 1985.
- Münard C.* Why Organizations Matter. A Journey Away From The Fairy Tale // Atlantic Economic Journal. 1996. Vol. 24.
- Monroe K. R.,* 1994, A Fat Lady in a Corset: Altruism and Social Theory // American Journal of Political Science. 1994. November. Vol. 38.
- North D.* Structure and Change in Economic History. N.-Y: Norton, 1981.
- Oleinik A.* A Model of Network Capitalism: Basic Ideas and Post-Soviet Evidence // Journal of Economic Issues. 2004. Vol. XXXVIII. March.
- Olson M.* Dictatorship, Democracy, and Development // American Political Science Review. 1993. Vol. 87.
- Padovani M.* Les dernières années de la mafia. Paris: Gallimard, 1987.
- Perrow C.* Small Firm Networks, in Institutional Change. Theory and Empirical Findings / Ed. by S.-E. Sjöstrand. Armonk: M. E. Sharpe, 1993.
- Polanyi K.* La Grande Transformation. Aux origines politiques et économiques de notre temps. Paris: Gallimard, 1983.
- Roche S.* Le sentiment d'insécurité. Paris: Presses Universitaires de France, 1993.
- Rose R., Mishler W, Haerpfer C.* Getting Real: Social Capital in Post-Communist Societies, Studies in Public Policy. 1997.
- Schmitt K.* La notion de politique. Théorie du partisan. Paris: Flammarion, 1992.
- Shlapentokh V.* Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Smeilser N.J.* The Rational and the Ambivalent in the Social Sciences // American Sociological Review, February. 1998. Vol. 63.
- Soto H. de* L'autre sentier. La révolution informelle dans le tiers monde. Paris: La Découverte? 1994.
- Stephenson K., Hayden F.* Comparaison of the Corporate Decision Networks of Nebraska and the United States // Journal of Economic Issues. September. 1995. Vol. XXIX.
- Stiglitz J.* Principal and Agent, in The New Palgrave: A Dictionary of Economics / Ed. by Eatwell J., Milgate M., Newman P. L.: Macmillan, 1987.
- Thüvenot L.* Equilibre et rationalité dans un univers complexe // Revue économique, mars. 1989. Vol. 40.
- Touraine A.* Sociologie de l'action. Paris: Ed. du Seuil, 1965.
- Touraine A., Wieviorka M., Dubet F.* Le mouvement ouvrier. Paris: Fayard, 1984.
- Touraine A.* Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992.
- Touraine A.* Qu'est-ce que la démocratie? Paris: Fayard, 1994.
- Walzer M.* La justice dans les institutions // Esprit. 1992. Vol. 180.
- Weber M.* Economy and Society. An Outline of Interpretative Sociology. Berkeley: University of California Press, 1968. Vol. 1.
- Wieviorka M., Bataille Ph., Clément K., et al.* Violence en France, Paris: Ed. du Seuil, 1999.
- Yefimov V.* Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan, 2003.